

Р. МАГОМЕДОВ

Ленгды

и

ФАКТЫ

МАХАЧКАЛА

ПРОФ. Р. МАГОМЕДОВ

Ленгды
и
ФАКТЫ

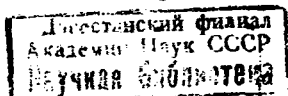
Из записных книжек историка

*Дагестанское
книжное издательство
Махачкала - 1963*

instituteofhistory.ru

31883

Расул Магомедович Магомедов

ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

Редактор *А. Назаревич*
Художник *Б. Крючков*
Художественный редактор *Е. Омельченко*
Технический редактор *П. Шахшаев*
Корректор *А. Редько*

Слано в набор 15.XI 1962 г. Подписано в печать 3.I. 1963 г.

Форм. бум. 70×92¹/₂ Бум. л. 2,25

Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 5,265 Уч.-изд. л. 4,92

СО1551 Тираж 3000

Цена 25 к.

Дагестанское книжное издательство Министерства
культуры ДАССР. Махачкала, ул. Маркова, 55.

Орел, типография „Тр. д“. Заказ № 1:041

Историк, как и писатель, не расстается с записной книжкой. Она нужна ему при работе в библиотеках и архивах. В период экспедиций ее заменяет объемистая общая тетрадь. За долгие годы работы у меня накопилось большое количество таких тетрадей, блокнотов, полевых дневников. В них — выписки из прочитанного в древних рукописях и старинных книгах, копии редких документов из архивов и частных хранилищ, записи народных преданий, легенд, воспоминания стариков.

Все это относится к очень далекой старине и к моменту революции сохранилось только в пережитках.

Только на самых старых саклях, как отзвук древних языческих верований, встретишь сейчас охранительный знак руки. Только в воспоминаниях стариков сохранилась память о суеверных обычаях вызывания дождя, знахарского лечения больных или диких рецептах ворожей, вроде тех, о которых рассказывается здесь в выписках из Чиркейских дневников. Давно ушли в прошлое и старинные патриархальные обычаи, и старинные дикле игры, вроде травли собак, и старинная мораль, вроде той, что отражена в этой книге в надписях на древних могильниках и старинном оружии.

Все эти пестрые факты, относящиеся к далекому прошлому, не всегда приходится использовать в историческом исследовании. Большею частью все это — только заготовки впрок, только личный архив, интересующий разве лишь историка.

Однако многое из этого архива представляет интерес и для пропагандистов. Яркий рассказ агитатора о победах коммунистического строительства в аулах Дагестана станет еще живее и наглядней, если то новое, что утверждается в жизни сегодня и о чем тоже рассказывается в этой книге, сопоставить для контраста с фактами беспросветной дореволюционной жизни.

Здесь агитатору пригодятся и собранные мною рассказы стариков о жестокости и самодурстве прежних дагестанских ханов, беков и наибов, и свидетельства о древних обычаях, порабощавших женщин-горянок, вроде тех, которые приводятся мною в разделе книги, озаглавленном старинной женской поговоркой «Дом мужа—раскаленная жаровня».

Из груды старинных исторических и этнографических материалов здесь отобрано только то, что отдельной деталью освещает какую-то сторону прошлой жизни дагестанских народов, и то, что в какой-то мере может быть использовано в беседах агитаторов и пропагандистов. В помощь им я и решил опубликовать выборки из моих записных книжек.

І. В ТУМАНЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

ЛЕГЕНДЫ О ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ ДАГЕСТАНА,
О ЕГО ПЛЕМЕНАХ И ЯЗЫКАХ

І. ОДНА ИЗ НИТОЧЕК К СТРАНЕ «МЕТАЛЛА НЕБА»

Железным находкам в могильнике на берегу реки Аракс почти три тысячи лет. Но еще за тысячу лет до этого украшения из железа появились в пирамидах египетских фараонов. Это было метеоритное железо. Не случайно железо в Новом Царстве называли «Металлом неба».

Железо на территории СССР раньше всего найдено на Кавказе. Но одни ли только нити «Металла неба» связывают Кавказ с древним Египтом? Случайно ли, что в Дагестане бытовало предание о том, что аварские и кумухские ханы ведут род от египетских фараонов?

Одно из преданий об этом записал в прошлом веке А. Руновский.

«Каким образом фараоны зашли в Дагестан и утвердились в Аварии, предание не говорит; известно только то, что ханы казикумухские происходят от аварских ханов и что учение Магомеда, разлившись по Кавказу и унося за собой все царственные там династии, оставило в прежних условиях одну лишь династию фараонов».

2. НИТОЧКА К., БИБЛЕЙСКОМУ НОЮ

В одной из грузинских летописей говорится, что все народы Кавказа происходят от правнука Ноя—Торгамоса.

Торгамос имел 8 сыновей, жил спокойно возле Арагата, но его дети разошлись в разные стороны и положили начало особым народам.

От Гайкоса произошли армяне, от Картоса — грузины. Кавказос положил начало другим кавказским народам. Лекос пошел в Дагестан, и от него пошли лезгинны, т. е. дагестанцы.

3. ЛЕГЕНДА О СКИФАХ

Существует предание, говорящее о том, что современный Дагестан был заселен в VII веке до начала нашей эры. Это заселение связывают с вторжением скифов в Закавказье.

Предание повествует о том, что скифы многочисленными ордами вторглись в Грузию и Армению, опустошили эти страны, забрали много пленных и вернулись в Северное Причерноморье. Из пленных народов «скифы образовали на Северном Кавказе два царства — одно на Тереке до западной оконечности гор под владычеством Уобоса—сына царя скифов, а другое—на востоке под управлением двоюродного брата царя». Из подданных первого возникли осетины, а на востоке, где построили Хунзах, произошли народы Дагестана.

4. ЗАКОНЫ ЛИКУРГА В АМУШЕ

Легендарный законодатель Древней Спарты Ликург известен в истории суровыми законами, укреплявшими военную организацию спартанской общины. Слабых, об-

ладавших физическими недостатками младенцев в Спарте уничтожали. Древних стариков когда-то сбрасывали со скалы.

Горские аксакалы в Дагестане говорят, что когда-то, давным-давно и в ауле Амуша существовал обычай убивать людей, достигших глубокой старости. Их клали в плетеные из прутьев корзины, а затем стаскивали с обрыва.

5. ДО ИСЛАМА И ПОСЛЕ ИСЛАМА

До принятия ислама двенадцать андалалских поселений в Аварии назывались «Вицху». После введения ислама арабы стали «Вицху» называть «Иудалал». Отсюда, говорят, и произошло название андалал.

Любопытно, что в Лакском районе и сейчас есть аулы, население которых называет себя «вицхинцами».

6. ГОРА КАБХ — ГОРА ЯЗЫКОВ

Еще в IX веке арабский путешественник Масуди восклицал:

«Гора Кабх — гора языков. Один бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабх».

Век уходил за веком, и крупнейший знаток кавказских языков П. К. Услар в 1862 году повторил эти слова:

«Прошло 900 лет после набожного восклицания Масуди, и, если бы обратились к нам с вопросом, сколько различных языков на Кавказе, то мы бы ответили: один бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабх. Гора Кабх — гора языков».

Интересно, что в другом месте Масуди писал, что в

горах Кавказа «считают 72 племени, а у каждого племени — свой царь и свой язык, несходный с другими наречиями».

7. ЛЕГЕНДА О ПРОРВАННОМ МЕШКЕ

Во многих аулах известна сказка о всаднике, который когда-то, в незапамятные времена, разъезжал по миру с мешком, в котором были разные языки. Всадник раздавал разным народам земли разные языки. Когда всадник появился на Кавказе, он разорвал свой мешок об одну из неприступных скал Дагестана. Языки рассыпались по горам, и все перемешалось. Вот почему в Дагестане так много языков.

II. КОГДА ВЛАДЫКОИ БЫЛА ЖЕНЩИНА

ПЕРЕЖИТКИ МАТРИАРХАТА В ДАГЕСТАНЕ

1. ТОЛЬКО МАТЬ ОСТАНАВЛИВАЛА КРОВНУЮ МЕСТЬ

В горах Дагестана во многих аулах в старину существовал такой обычай: если мать усыновит кровника—кровомщение прекращается

Вмешательство женщины часто приостанавливало самое ожесточенное кровомщение. Для этого женщине стоило только выступить вперед, снять с головы платок и бросить его перед дерущимися кровниками.

* * *

У башкинцев есть поговорка: кто не послушает совета матери, тот не достигнет своей цели.

2. САМАЯ ДРЕВНЯЯ ПРИСЯГА

Самой крепкой присягой среди горцев еще до революции считалась присяга именем жены. Присяга эта связана и с кебином — брачным договором. Если показание присягателя оказывалось ложным, то брак при-

знавался действительным. Как только жена узнавала, что муж присягнул ложно, она могла немедленно уйти из дома.

3. ЖЕНЩИНА — СОБСТВЕННИЦА ВСЕЙ ЗЕМЛИ В СЕМЬЕ

У мугинцев существовал обычай - при женитьбе записывать все пахотные и покосные земли жениха за невестой. В случае развода мужчина лишался земель и дома. Жена при разладах в семье смело говорила мужу: «Если не желаешь жить совместно, бери свою палку и убирайся на все четыре стороны». Соседи мугинцев акушницы и усишницы в связи с этим нередко вмешивали мугинцев.

4. ВАВИЛОНСКИЙ ХРАМ МИЛИТТЫ В КУБАЧАХ

Академик Х. Д. Френ в одной из своих работ, опубликованных в начале прошлого века, рассказывает интересную подробность из далекой прошлой жизни кубачинских женщин.

«Раз в неделю в Кубачах вдовы и покинутые жены на скамьях перед своими домами, закрыв лицо, между 2—3 часами ночи, отдавались объятьям юношей, которые оставались им совершенно неизвестными. Это не считалось постыдным или позорным. Напротив, плоды таких отношений содержались и воспитывались на общественный счет».

То, о чем пишет Френ относится к далекому средневековью и является пережитком широко распространенной когда-то и известной науке переходной формы от группового брака к парному.

Ф. Энгельс пишет по поводу этих переходных форм: «Женщина откупается от существовавшей в старое вре-

мя общности мужей и приобретает право отдаваться только одному мужчине. Этот выкуп состоит в том, чтобы отдаваться в определенное время: вавилонские женщины должны были раз в год отдаваться мужчине в храме Милитты; другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные обычаи, облеченные в религиозную оболочку, встречаются почти у всех народов, живущих между Средиземным морем и Гангом».

5. ИЦАРИНСКИЕ ДЕВУШКИ ИСПЫТЫВАЮТ МУЖЧИН

В селении Ицари, что стоит неподалёку от Кубачей, сохранился старинный обычай, подчеркивающий превосходство женщины над мужчиной. Этот обычай наблюдался и в других районах Дагестана, но в Ицари он оказался более живучим. Когда ицаринским девушкам на пути их следования в поле встречается всадник, они стаскивают его с лошади и начинают всячески издеваться над ним. При этом одна из девушек ущипнет мужчину, другая пустит в ход словесную шутку, третья делает попытку побороть всадника, а четвертая еще как-нибудь напроказничает. Все это совершается под возгласы: «Ну, и мужчина же! Какой же ты мужчина, если не можешь одолеть девушек! Тебе не папаху носить, а платок!»

Завершается испытание тем, что мужчине отстегивают крапивою по мягкому месту.

Характерно, что так ицаринские девушки поступают не с односельчанами, а только с чужими мужчинами, проезжающими через аул.

В повадках ицаринских девушек, видимо, тоже сгустились какие-то отзвуки матриархата.

III. КРЕПОСТЬ, У КОТОРОЙ ДЕСЯТЬ ИМЕН

ЛЕГЕНДЫ О ДРЕВНИХ ГОРОДАХ ДАГЕСТАНА

1. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ У ЖЕЛЕЗНЫХ ВОРОТ

Однажды царь Александр Македонский со своей женой подошел к Дербенту. Люди царя пришли к правителю города и сказали: «Мы послы царя всех царей. Он послал нас сказать, чтобы ты подчинился ему и платил дань. Если ты рассердишь царя, он разрушит Железные ворота и убьет тебя».

Правитель Дербента отказался подчиниться царю всех царей. Войска Александра Македонского пошли на приступ, но взять город никак не могли.

Царь царей отошел от города, но один из мудрых стариков сказал ему на совете: «Возвращаясь, и, если ты будешь сильным, ты войдешь в крепость».

Так и вышло. Александр Македонский взял Дербент и приказал привести правителя города. «Разве ты не знал,— сказал завоеватель, — что все цари на всей земле, все рыбы во всех морях платят дань Александру?» Правитель Дербента ответил: «Я знал, что земля, воды подвластны царю, но я не знал, что и небеса должны подчиниться тебе».

Этот достойный ответ так понравился Александру, что он отпустил пленника, поставил его своим наместником у Железных ворот и повел войска на новые земли.

2. ДЕРБЕНТ ВО ВРЕМЕНА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Французский король Людовик IX, получивший прозвище Святого, известен Седьмым крестовым походом на Восток. Один из послов Людовика к монгольскому хану побывал в 1254 году в Дербенте. В его донесении мы читаем:

«Прежде чем добраться до Железных ворот, мы нашли один замок аланов, принадлежащий самому Мангухану, ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино. На следующий день мы добрались до Железных ворот, которые соорудил Александр Македонский. Этот город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада. Таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимости гор, а ниже нельзя пройти по гниине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок. В ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной».

3. КАК БЫЛА ОСНОВАНА НАРИН-КАЛА

Летописцем Дербента считается Мирза Хедир Вилеров. Он пересказывает такую легенду об основании дербентской крепости.

За 733 года до воскресения Христова в Иране царствовал Лехтасиб-хан. Хазары, черкесы и кубанцы многочисленными толпами переправлялись через Куру и, опустошив страну, возвратились с богатой добычей. Чтобы оградить свои владения от набегов с севера, Лехтасиб-шах повелел построить у гор Дагестана на месте высоком, изобильном водою и здоровом по климату крепость.

Воля шаха была исполнена. Крепость назвали Нарин-Калой.

4. ДРЕВНИЕ НАЗВАНИЯ ДЕРБЕНТА

Античные писатели называли дербентский проход в одних случаях Каспийскими, в других — Албанскими воротами. Раннесредневековые писатели — Хазарские ворота. Армяне — Джора, (чог — схрана), грузины — Згвие-кари (Морские ворота), татцы — Цурул, дарганы — Цуллз. Персы — Дербенд (дерб — дверь, бенд застава), арабы — Баб-ул-абваб (Ворота ворот), турки — Демир-капи (Железные ворота).

5. ЛЕГЕНДА О ДЕРБЕНТСКОЙ СТЕНЕ

Арабский географ Баладзори, второй половины IX века, сохранил для нас предание о войнах сасанидского царя Ануширвана и хазарского царя. Ануширван укрепился на Кавказе и предложил мир. Чтобы мир был крепче, цари решили породниться.

Баладзори пишет:

«Чтобы расположить его к себе, он попросил себе в жены его дочь и послал ему одну из своих рабынь, которую одна из его жен удочерила, выдав ее за свою собственную дочь. И подарил турок (автор хазаров называет турками) Ануширвану свою дочь, а затем сам прибыл к нему. И встретились они в Баршалии, где пировали несколько дней, подружились между собой и оказывали друг другу внимание.

И приказал Ануширван некоторым из близких ему лиц, пользующихся его доверием, чтобы они провели ночь близко от турецкого лагеря и подожгли его, что они и сделали. На следующий день утром турецкий царь пожаловался на это Ануширвану, но тот заявил, что это не исходило от него, и что он не думает, чтобы кто-либо из его людей сделал это.

Спустя несколько ночей, Ануширван приказал тем же людям повторить то, что было раньше, и они повторили. Это очень сильно взволновало турка, но Ануширван выразил ему свое сочувствие и извинился перед ним, и тот успокоился.

Спустя немного времени, Ануширван приказал поджечь ночью часть своего лагеря, где были одни лишь лачуги, сделанные из травы и прутьев. На следующий день утром Ануширван стал жаловаться турку на то, что его люди чуть не уничтожили весь его лагерь, и что он, турок, отвечает ему взаимным подозрением. Но турок поклялся, что он не знает причины того, что случилось. Тогда Ануширван сказал: «Брат мой, наши войска не взлюбили заключенного между нами мира, так как благодаря ему они лишились доходов от постоянных набегов и войн, которые происходили раньше между нами. Я боюсь, как бы они не наделали чего-нибудь такого, что могло бы расстроить наши сердца и вызвать между нами вражду после того, как уже мы искренне

помирились, прониклись взаимным доверием друг к другу и породнились между собой. Было бы хорошо, я думаю, если бы ты разрешил мне построить стену между тобой и мной и устроить в ней ворота, дабы никто не мог проходить от нас к тебе и от тебя к нам, кроме того, кого я и ты пожелаем впустить».

Турок согласился на это, а затем вернулся в свою страну. Ануширван же остался, чтобы построить стену. И построил ее, причем та часть ее, которая примыкала к морю, была сделана из скалы и свинца; шириной она была триста локтей, и она была проведена до вершин гор. И приказал он возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, он построил на них стену, продолжив ее в море на три мили.

Окончив постройку стены, Ануширван повесил у входа ее железные ворота, поручив охрану их ста всадникам, тогда как раньше для охраны этого места требовалось пятьдесят тысяч солдат. На этой стене Ануширван устроил подвижную башню.

После этого хакану сказали: «Тебя Ануширван обманул, выдав за тебя замуж не свою дочь и укрепившись против тебя». Но хакан ничего уже не мог придумать против этого».

6. ГОРОД ПЕРВЫХ КНИЖНИКОВ ДАГЕСТАНА

Арабский географ Закария Казвини в 13 веке в книге «Памятники стран» писал:

«Цахур город большой, населенный, в шести переходах от Ганджи. Он главный город страны лезгин. Холод в нем очень силен. Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммед Ганджинский, что вода его из реки, называемой Самур. Она находится в замерзшем состоянии зимой и летом. Они ломают лед и черпают воду из-под

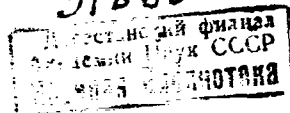
него. А когда они почерпнут и нальют в кувшин, они помешают его в покрывку из бараньей шкуры, чтобы вода не замерзла тотчас же. А пища их из злака, называемого сульта; он похож на ячмень по виду, а по качеству он имеет природу пшеницы. Нет торговли у них и нет торговых сношений, но каждый сеет от этого злака удовлетворяющее его количество и питается им и молоком своих овец и кислым молоком их; а одевается он от их шерсти. И нет главаря у них, но есть хатиб, который молится с ними, и казий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама ал-Шафен, да испешлет аллах ему свое благоволение. Жители этого города все шафенты. В нем медресе; основал его везир Низам ал-Мулкал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. И при нем имеется учитель и факихи. И полагается каждому факифу в нем ежемесячно один баран и определенная мера сульты. Рассказывают, что они перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама ал-Шафен» и занимаются ими обоими, аллаху спешествующему».

7. АДАМ ОЛЕАРИЙ — О ГОРОДЕ ТАРКН

Голдинтинский посол Адам Олеарий известен своей книгой о путешествии в XVII веке в Московию и через Московию в Персию. В этой книге — любопытные страницы о Дагестане.

Вот они:

«Прибыли мы 16 апреля 1637 года. На следующий день главный правитель этого города прислал своего младшего брата с другими тремя опасными мужчинами приветствовать нас и предложить всяческую дружбу и услуги. Сам хан о себе сообщил, что он болен и лежит в постели...

Город Тарки лежит в высокой местности, на склоне и между гор, среди обрывистых скал. Город лишен стен и лежит совершенно открыто: в нем до тысячи домов, почти на персидский манер... Из скалы вытекают различные обильные водою ключи, которые через город стекают с горы...

Главный правитель этого города Тарки и всей местности был Сурхай-хан, господин лет 38-ми, хвалившийся происхождением из персидского царского дома. Он поддерживал дружбу с персами, чтобы в том случае, если среди дагестанцев произойдет междоусобная война, ему могла быть доставлена помощь из Персии. Рядом с ним живут еще другие мурзы, его двоюродные братья. Младший из них — сын его брата Имам-мирза управлял также частью города...

Тарковские татары были дики и дерзки не менее суйнаков, но их женщины были любезны. Женщины, как и девицы, без стеснения с открытыми лицами ходили среди людей. Девицы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы: они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички».

8. ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ — О КАЙТАКАХ

Эвлия Челеби — известный турецкий путешественник. Десять лет спустя после Адама Олеария в 1647 году он побывал в Дагестане. Вот как он описывает кайтаков.

«В этой области есть племя, называемое кайтаками. Число их доходит до 20 тысяч. От времени до времени они приходят для торговли в города Арас и Шеки. По наружности они крайне удивительные люди: голова у них большая, как котёл, волосы как мешок, брови широкие в два пальца; плечи настолько широкие, что на них может поместиться человек; грудь широкая, стан тонкий, ладо-

ни жирные, подошвы широкие, глаза круглые, цвет лица красный, лицо круглое. В религиозном отношении они считаются шафитами. Они — грузные люди; когда они приходят на базар в Арас или Шеки, они спускаются на равнину пешком и в Шеки садятся на арбы, так как ни лошади, ни мулы не могут поднять их слоноподобные тела. Иногда они садятся верхом на буйволов, нарочно приученных к арбам. На голове у них чалмы. Усы они бреют, подобно казиям; со своими длинными бородами они при встречах с важностью кланяются на обе стороны. Это удивительный по наружности, варварский, огузский род людей. Для жителей Гиляна, Ширвана и Шемахи они служат предметом насмешек».

1. НЕСКОЛЬКО СТРОК ИЗ СТАРИННОЙ РУКОПИСИ

Кубачинцы в «Дербент-наме» рассказывают о себе: «Наши предки в числе около полутораста мастеров-френгов, были взяты из Рима Пискендером Зулькарнен (Александром Македонским) с собою в поход для выделки оружия. Сами же они отделились от войска или были оставлены почему-либо, неизвестно, но, очутившись вблизи моря, они были водворены тогдашним властелином Дербентского побережья в местности Кемах (вблизи Дербента), где они занимаются выделкой панцирей. Но климат Кемаха, а равно и Дарша (деревня около Маджалиса), куда они были переселены через год, оказался для них пагубным. Поэтому они удалились в горы и избрали настоящее место нашего аула, где во все времена, как и теперь, все были мастерами, и никто не занимался ни земледелием, ни скотоводством. Поселившись здесь, предки наши взяли жен из соседних обществ, утратили первоначальный язык свой и прославились как лучшие в Дагестане мастера, снабжавшие почти весь край сначала панцирями, кольчугами, луками и стрелами, а затем оружием и пистолетами».

2. ТАРКОВСКИЙ ШАМХАЛ И ФРАНЦУЗСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

Из всех существующих легенд о происхождении кубачинцев наиболее распространенной до революции была легенда о том, что кубачинцы по происхождению французы. Вот предание, известное с прошлого века в различных вариантах.

Шамхал Тарковский однажды обратился к французскому королю с просьбой прислать к нему сорок оружейных мастеров. Король исполнил просьбу шамхала. Мастера жили сначала у самого шамхала, а потом поселились в Дербенте. Но французы были народом неуживчивым, ссорились с жителями Дербента и потому вынуждены были покинуть город. Когда они вышли из города, дербентцы навсегда заперли за ними ворота. Из Дербента кубачинцы пошли к даргинцам и поселились среди даргинцев, назвав себя карбуками.

3. РУКА, КИНУТАЯ МАТЕРИ

Говорят, что Кубачи в переводе означает: кольчужники. Калакорейшцы тоже хотели получить это название, но не смогли превзойти соседей в производстве выделки кольчуг.

Кубачи образовалось из семи поселений: Даци, Мажи, Дешал, Мугли, Анчи-бачи, Шихбала, Бакай. Вокруг современного Кубачи сохранились развалины этих поселений.

Сами себя кубачинцы называют Угбук. В переводе Угбук означает: оружейник.

Вокруг Кубачи было расположено пять оборонительных башен. Главная из них — Чабкана-ци. Остатки башен сохранились и поныне. Одна из них превращена в жилой дом. Легенды передают, что в старину в баш-

нях жили сорок батырты (богатырей). Батырты сменялись, и после того, как юноша уходил в батырты, родители не имели права встречаться с ним, пока не пройдет его смена. Передают, что одна мать пожелала повидать своего сына до возвращения, подошла к крепостной башне и стала звать его по имени. Стражники услышали это, отрубили руку ее сына и бросили матери с башни, крикнув: «Вот смотри на то, что можно видеть у твоего сына».

4. РЕДЬКА НА МОГИЛАХ БОГАТЫРЕЙ

В одной кубачинской легенде рассказывается, что во время стычки с калакорейщиками было убито сорок батырты. Поводом к стычке был спор из-за владения пастбищем на склоне горы Лимцлябай.

По совету старейшины, убитых похоронили в ту же ночь и при этом били в барабаны и играли в зурны, чтобы скрыть от соседней горе аула.

С этой же целью на могилах героев посадили редьку. Поэтому-то теперь это место называется Кала-ку.

5. СОБАКА, СПАСШАЯ КАЛА-КОРЕЙШ

В Кубачах ходит легенда о том, что в одной из могил в Кала-Корейше захоронены девушка, кобылица и собака. О коне, которого клали в могилы женщин, упоминают и старинные даргинские песни. Это отзвук легенд о кавказских амазонках. А откуда в легенде собака?

Говорят, что эта собака спасла калакорейшцев, как гуси спасли Рим. Однажды собаки, почуяв внезапное вторжение кубачинцев, подняли такой лай, что калакорейшцы даже забыли о боге и прервали молитву. Была пятница, и все мужчины были в мечети.

6. КАМЕННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АУЛА КУБАЧИ

Кубачинские резные камни и рельефы — огромная историко-культурная ценность. Образцы их и сейчас можно увидеть в стенах кубачинских домов, и многие камни хранятся в Махачкалинском музее и Ленинградском Эрмитаже.

Камни говорят, что кубачинцы были большими художниками. На камнях, украшавших когда-то албанский дворец — целые картины. Тут и стрельба из лука, и рукопашная борьба, и поединок всадников с мечами в руках, и охотник с прирученным гепардом, и изображения фантастических зверей и птиц.

Отражен в кубачинских настенных рельефах и быт. Некоторые черты его сохранились и до наших дней. Современная прялка даргинцев сходна с той, которая изображена на кубачинских резных камнях. Похожи на современные и небольшие роговые сосуды для вина. На одном из рельефов передан какой-то обрядовый момент. Рогатая маска в этом обряде напоминает кубачинские войлочные маски, употреблявшиеся еще в прошлом веке в играх цикла «Гулахаану-букун».

Кубачинские рельефы — один из памятников древней Кавказской Албании. Но они отразили в себе явления и черты быта, не характерные для Албании. Академик Орбели об одном из кубачинских рельефов пишет: «Лук, колчан, одеяние стрелка даны с такими подробностями, что в них нельзя не видеть одного из наиболее ценных источников для восстановления этих предметов обихода эпохи Руставели». И действительно, когда Эрмитаж готовил юбилейную выставку, посвященную Руставели, он с успехом использовал и кубачинский материал.

1. ЯЗЫЧЕСКИЙ ОБРЯД ДРЕВНИХ КУБАЧИНЦЕВ

Один из древних обрядов аула Кубачи напоминает старинные похоронные обычаи в Тибете. О таком обряде в XII веке свидетельствует арабский географ Абу-Хамида Андалуси.

«Близ Дербента расположена большая гора, на вершине которой имеется два селения. Живет в них народ, называемый Зирехгеран, т. е. изготовители панцирей... Нет у них никакой религии и не платят они джиз. Когда умирает у них человек, и если он мужчина, то передают его мужчинам, находящимся под землей, которые расчлениают кости покойника, очищают кости от мяса и собирают мясо его и дают его на съедение черным воронам. Они стоят с луками, чтобы не дать другим птицам есть что-нибудь из его мяса. А если покойник женщина, то они передают ее другим мужчинам над землей, которые вытягивают ее кости и дают ее мясо коршунам. И стоят они со стрелами, чтобы мешать другим птицам приблизиться к ее мясу».

Кавказский этнограф А. В. Комаров, выступая в 1881 году на I археологическом съезде в Тифлисе, за-

явил, что он слышал в южном Дагестане поверье, рекомендовавшее в отношении некоторых умерших не хоронить их, а выставлять на открытое место, пока не слетят души и не возьмут их.

2. БОГ СОЛНЦА В ГОРСКОМ ПАНТЕОНЕ

Старики говорят, что у лакцев когда-то был бог Солнца. В пантеоне богов он занимал главное место. Лакцы представляли его в виде прекрасного юноши, озаряющего и согревающего весь мир.

Затмение Солнца и Луны лакцы считали несчастьем и объясняли тем, что разгневанный на людей бог сплюсчивает щипцами Солнце и Луну, пытаясь их погасить.

Усиштинцы при лунном затмении зажигали костры. Видимо, огонь должен был воскресить огонь.

* * *

При затмении Луны в старину в лакских аулах били по медной посуде, стреляли из ружей. В ночь затмения женщины прокалывали серебряные монеты и пришивали их на спину своих детей, чтобы они были счастливы.

О древней астральной религии свидетельствуют так называемые солярные знаки — разной формы символические изображения Солнца. В некоторых аварских аулах вплоть до нового времени существовала клятва солнцем и огнем.

Символизировал Солнце и огонь костров. В ауле Кули, например, такие костры разжигались в первый вечер официального признания весны. Кулинцы еще накануне собирали со всего села топливо, а когда темнело, разжигали перед аулом огромный костер. Маленькие костры зажигаются и у каждого дома. Молодежь

обычно прыгала через костры. Все это напоминает обряды масленицы в русских деревнях. Существует поверье, что если попрыгать через костер в первый день весны, то больной освободится от всех недугов, а у здорового осуществляются все его желания.

Солнечный праздник весеннего равноденствия существовал у всех дагестанских народов. И всегда он сопровождался разжиганием костров в горах и на крышах домов и прыжками юношей. У табасаранцев огненная феерия сопровождалась шествием по аулу мальчиков, которых обливали водой. У лезгин праздник весеннего равноденствия назывался «навриш байрам» или «ярар». Последнее напоминает русское «ярило» и «ярый». В день весеннего равноденствия в лезгинских аулах, как и везде, разводили ночью костры на крышах домов, плясали вокруг костров, бросали с крыши в дымоходные трубы срежи. Когда костер угасал, пепел рассыпали по крыше, приговаривая: «Чтобы в доме было много добра!»

3. ТАК ВОСКРЕСАЛ БОГ ПЛОДОРОДИЯ ОСИРИС

В ауле Башли молодежь отмечала наступление весны обрядами, напоминающими древние восточные культы умирающего и воскресающего бога растительности. Юноши выкапывали с корнем молодое деревце, украшали его зеленью и лентами и на верхней ветке укрепляли чучело удода. С этим деревом участники обряда ходили по дворам, пели песни и поздравляли людей с наступлением весны. Многие в этом обряде напоминает русские колядки.

О культе умирающей и воскресающей природы упоминают и широко распространенные в дагестанских аулах легенды о священных деревьях.

97-летний Кадибреков из аула Заза рассказал мне одну из таких легенд. Давным-давно к Чандар-тару приносили много жертв, чтобы смыть грехи. Все боялись этого дерева, как огня, и никто не приносил из леса, где оно росло, сухих веток на топливо. Когда у дерева обломилась во время бури самая большая ветвь, из священного дерева вылетели божественные птицы.

85-летний П. Пулатов говорит, что к священному дереву в ауле Заза в старину всегда ходили бездетные матери. Они привязывали к ветвям дерева красивые лоскутки, обещали в дар дереву съестные продукты, и после этого у бесплодных обязательно рождался ребенок.

4. СВЯЩЕННАЯ ГОРА ШАЛБУЗ-ДАГ

В южном Дагестане много так называемых «пиров» — мест, где захоронены святые. Два таких памятника есть на горе Шалбуз-Даг. Они называются: «Пир Сулейман». «Пир» означает святой, Сулейман — собственное имя, идущее от библейского царя Соломона в арабском произношении этого имени.

«Пир Сулейман» — это ряд колонн, покрытых куполами. Впереди на отдельном столбе — каменное изображение голубя.

* * *

Подобное горе Шалбуз-Даг культовое место было и на горе Зуберхи, близ Гергебиля. В 1882 году Д. А. Анучин произвел раскопки в этом святилище. Были найдены бронзовые подвески в виде головок оленей и быков, бронзовые спиральные кольца и браслеты, железные гуговицы. На территории святилища — целые кладбища костей домашних животных. «Судя по рогам и костям, — писал Анучин, — здесь были принесены в жертву или съедены сотни, если не тысячи животных».

5. ХОЛМ, НА КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ СМОТРЕТЬ

Близ аула Бургимак-махи в одной из ложин затерялась площадка с небольшим холмом посредине. Говорят, что на этой площадке в старину собирались представители всех даргинских обществ. Вся ложина так и называется — «ЦахIанабикла дирка», т. е. Место, где собирались. Когда представитель даргинских джамаатов собирались на сход в «ЦахIанабикла дирка», акушинский кадий поднимался на вершущку холма и отсюда руководил собранием. Во время схода ни один проходивший мимо даргинец не имел права смотреть на холм, на котором стоял кадий. Люди избегали глазеть на холм и в обычные дни, — это считалось нехорошей приметой.

У бурхимакцев сохранилось предание, будто на холме «ЦахIанабикла дирка» законаны золотой лук и другие ценные предметы. Горские животноводы до революции водили вокруг холма больших коней и считали, что это принесет им исцеление.

6. ВОЛК И МЕДВЕДЬ КАК ДРЕВНИЕ ДАГЕСТАНСКИЕ ТОТЕМЫ

В аварском ауле Мачада в старину в качестве талисманов применялись волчьи обереги. Волчьи шкуры вешали обычно на пасаках. Волчий зуб, нанизанный на ниточку, вешают на шею ребенка «на счастье». Альчик из ноги волка привязывали к шее овцы в качестве средства, ограждающего от ревматизма; повешенный на одну овцу талисман предохранял от заболеваний все стадо.

Медвежью лапу в некоторых аварских аулах тоже применяли в качестве оберега на пасаках. Дидойцы вешали медвежью лапу в хлевах и конюшнях, чтобы скот лучше размножался. Хваршины считали медвежью лапу талисманом, отводившим от коня «дурной глаз».

* * *

В гумбетовских селах во дворах, в садах и пасаках и в наши дни часто можно увидеть черепа животных и скорлупу яиц, как знаки, которые должны оберегать от несчастия и «от сглаза».

У даргинцев при закладке дома под фундамент клали череп животного. Иногда его вешают во дворе дома.

У татов в древности в роли охранительного средства — оберега — выступало куриное яйцо. Когда перед венчанием к невесте приезжал от жениха гонец, яйцо разбивали на лбу его коня — это отводило «дурной глаз» от предстоящей церемонии венчания.

* * *

В дореволюционном Дагестане культ черепов животных был распространен почти повсеместно. Черепа, рога, яичная скорлупа в литературе отмечены в Анди, Гогатле, Зило, Риквани, Ашали.

Важная роль в борьбе со злыми силами придавалась подкове и гвоздю, — считалось что найти подкову и гвоздь — к счастью.

Подкову напоминают и браслеты, У аварцев мать, у которой умирали дети, заказывала кузнецу железный браслет и всегда носила этот обруч-подкову на руке.

* * *

О древнем культе домашних животных свидетельствует любопытное предание, услышанное мною в ауле Бухты. Старики говорят, что до утверждения ислама люди в их ауле поклонялись каменному изображению свиной головы. Интересно, что именно такой идол якобы найден при рытье фундамента дома Тайгиба.

7. ЧТО СЧИТАТЬ КРАСИВЫМ?

Многие считают, что татуировка, раскрашивание тела первобытного человека связана с культом животных и птиц, со стремлением человека быть таким же красивым, как и тотем его племени.

Пережитком древней татуировки в аулах Дагестана можно считать и существовавший кое-где обычай горских матерей раскрашивать цветной глиной лицо грудного ребенка. Старухи говорят, что обмазывание белой глиной — хорошее средство от прыщиков и потницы.

В глухих аулах мне не раз приходилось встречаться с самыми удивительными представлениями матерей о том, как сделать своих детей красивыми. Особое значение при этом придается форме головы. Бывает, что детей, у которых, по мнению матерей, голова недостаточно удлинена кверху, подвергают специальным процедурам — голову младенца массируют или обвязывают матерчатым бинтом. Это я наблюдал в Ганшимае. У ходжалмахинцев младенцу в люльке подкладывали под шею специальную подушку, — длинная шея у мужчины считалась верхом изящества.

8. РУКА И КАМЕНЬ

В дагестанских аулах нередко встречаются изображения руки с растопыренными пальцами в виде оттисков в книге на стенах домов, изображений на дверях и заборах. В южном Дагестане женщины оттискивали знак руки в глине при постройке старинных тендыров — общих печей в земле для выпечки плоских горских хлебов-лепешек. Изображение руки, вероятно, имело характер охранительного средства, оберега. Примечательно, что даже в Махачкале на новом Кяхулайском кладбище есть надмогильный камень с изображением протянутой к небу руки.

* * *

По дороге из Мехельты в Читль в местности Туркида лежит самый обыкновенный, ничем не примечательный камень. Но каждый, кто проходит мимо этого камня, должен ударить по нему другим камнем. За долгие годы в крепком камне в результате образовалось небольшое углубление. Если кто пройдет мимо, забыв о камне, с ним, по поверью, в дороге случится несчастье.

Такой же камень есть и по дороге в Аргвани. Только тут надо не бить камень, а гладить его рукой.

* * *

У даргинцев существовал обычай — вешать камень с дырой на дерево. Пословица говорит: «Камень с дырой на земле валяться не будет».

1. ОНИ ПРИШЛИ КАК ЗАВОЕВАТЕЛИ И ХИЦНИКИ

Известный автор XIII века Вардапет Гевонд в своей «Истории халифов» пишет: «Сулейман собрал многочисленное войско, поручил его военачальнику своему Меслиму (Масламу) и отправил его к воротам Каспийским. Достигши места своего назначения, войска Меслима сразились с войсками гунскими, занимавшими город Дербент. Они разбили гуннов и прогнали их, разрушивши стены и башни крепости... Меслим с большим войском прошел проход Чора, грабя страну гуннов, и расположился лагерем при гуннском городе Таргу. Жители той страны при виде хищников, устремившихся на них, тотчас дали знать о том царю хазарскому хагану».

* * *

До прихода арабов жители аула Бутри исповедовали армянскую веру. Столкновение между бутринцами и арабами произошло в местности Асилала-Каб. Здесь имеются погребения и множество остатков человеческих костей.

По «Дербент-наму» кубачинцы в 738 году платили дербентскому наместнику подать в размере 50 раблль.

2. МАСЛАМА СКАЗАЛ: «ПОКЛОНЯЙТЕСЬ МОЕМУ МЕЧУ!»

Широко известный на Востоке Абу-Хамид ал-Гарнати (1080-1170) побывал в 50-60-х годах XII века в Дербенте и в других населенных пунктах западного побережья Каспийского моря. В книге «Подарок для сердца и собрание дикувинок» он пишет:

«В странах Дербенда Баб мин ал-Абваб имеется народ, называемый табасарсалан. В нем (в Дербенте)--- 24 волости. В каждой волости есть главный начальник, подобный эмиру. Они мусульмане. Обратились они в ислам во времена Масламы ибн Абу ал-Малика, когда послала его Хишам ибн Абу ал-Малик, в то время, когда возложено было на него халифское достоинство. И он (т. е. Маслама) завоевал Баб ал-Абваб, и обратились в ислам при содействии его многие народы, так, например, Лакзан, Филан, Хайдак, Зуклин, Гумик, Дархах. Среди этих народов насчитывается 70 народов, у каждого народа язык. А когда вознамерился Маслама уйти, после того как он поселил в Дербенте 24 тысячи домов из арабов из Могула, Димима, Химса, Тадмура, Халаба и прочих стран Сирии и Месопотамии, сказали ему табасаранцы: «О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, снова отпадут от религии эти народы, и мы будем бедствовать в соседстве с ними. Тогда извлек Маслама меч свой и сказал: «Мой меч да будет среди вас! Правьте его здесь. Пока он будет пребывать посреди вас, не отпадет от религии из этих народов ни один». Затем они сделали для меча его нечто подобное часовне в скале и поместили меч внутри ее на холме, там, где он (т. е. Маслама) расположился лагерем, и он (меч)

В настоящее время остаётся в этой стране. Паломничают к нему люди. Если кто-либо направляется к нему, то, если случится зимнее время, не возбраняется одеваться в голубые и другие одежды, а если случится во время жатвы, то возбраняется, чтобы посетил его кто-либо кроме как в белой одежде. Ибо если он посетит его не в белой одежде, наступает частый дождь и гибнут посевы и портятся плоды. Так предписано среди них».

3. КАК НОВАЯ ВЕРА ПОССОРИЛА РУГУДЖИНЦЕВ И ЧОХЦЕВ

В Чохе мне рассказывали, что когда-то люди в этих местах исповедовали армянскую веру. Меня даже провезли на кладбище, которое приписывалось населению армянской веры. Абумуслим пошёл на здешние аулы войной и обратил всех в магометанскую веру. Он приказал разрушить все аулы и создать один аул. Из него могло выехать сразу пятьсот всадников, и Абумуслим, увидев новый большой аул, воскликнул: «Энди чохдур» («Теперь много»). От этого возгласа, говорят, и идёт название аула Чох.

Абумуслим был в Хунзахе. Ругуджинцы убили миссионера, поставленного Абумуслимом, и отказались от мусульманства. Тогда Абумуслим приказал чохцам выделиться из своей среды умных людей и послать их в Ругуджу, чтобы уговорить нечестивцев. Чохцы послали двух стариков, но оба были убиты. Тогда чохцы объявили тревогу и пошли на Ругуджу. Произошел бой, в результате которого ругуджинцы покорились и приняли магометанство. Абумуслим в награду дал чохцам знамя и меч. Он же, говорят, приказал, чтобы чохцы ежегодно в день уразы байрама выносили знамя, махали мечом в сторону Ругуджи и бросали глиняные чашки. Говорят,

что это надо понимать так: ругуджинцы покорились только мечу, который крошил их, а калым же, бросаемый в глиняные чашки, это проклятье, посылаемое ругуджинцам.

Абумуслим, чтобы навсегда закрепить за собой ругуджинцев, поставил к ним своего человека, а чохинцев послал к себе. Род ругуджинских князей Амир-Али идёт от этого ставленника Абумуслима.

Обычай грозиться в сторону Ругуджи после молитвы в большой мечети сохранился до XIX века. Сам кадий махал пять-шесть раз мечом в сторону Ругуджи, а аульский глашатай бросал с крыши глиняные чашки, которые все собравшиеся забрасывали камнями. Чем больше камней попадет в чашки в воздухе, тем лучше, по поверью, должен быть урожай. Если чашка упадет на землю неразбившейся, это считалось предвестником несчастья.

Чохский обычай не нравился ругуджинцам, и в дни праздника все ругуджинские муталимы, учившиеся в чохской мечети, обычно уходили из Чоха. Ругуджинцы однажды послали своих представителей и к Шамилю с жалобой на этот обычай. Чохский алим Абдукадир сказал Шамилю, что чохцы, мол, машут мечом не на Ругуджу, а на Моцоки, которая находится за Ругуджой. Шамиль всё-таки сказал ругуджинцам, что, если меч чохцев убьёт хотя бы одного ругуджинца, он выдаст в руки Ругудже двадцать заложников из Чоха.

4. РАЗГОВОР КРИВОГО И ХРОМОГО

Лезгин Гасан Алкадари, автор широко известной в горах в послешамилевское время книги «Асари Дагестана», записал старинное предание, рассказывающее о том, как Тимур воевал с кумыкским и даргинским населением.

У кумыков и даргинцев предводителем был Губден, «кривой на один глаз». Когда войска Тимура окружили отряд Губдена, он послал к эмиру людей, сказав, что он хочет видеть повелителя вселенной. Тимур разрешил Губдену прехватить к нему.

Тогда Губден сел верхом на быка и, прибыв к Тимур-ру, сказал: «Я, кривой, имею тебе, хромому, задать один вопрос: что мы за люди, и что из себя представляют наши владения и наши богатства, чтобы такому завоевателю и могущественному царю, как ты, подобало, придя сюда, переносить лишения и воевать с нами? И что именно ты можешь от нас получить?»

Тимур спросил: «Если ты говоришь так, то почему же ты пришел в мой лагерь с таким малым отрядом?»

Губден ответил, что у него действительно мало людей, но зато вокруг этой местности много населённых пунктов, и там живут мужественные люди.

Тимур, говорит легенда, понравились эти слова. Он одарил Губдена, пощадил его людей и сделал Губдена владельцем всех земель и угодий, приуроченных теперь к селению Губден. Губденские беки, говорят, происходят от того самого кривого на один глаз Губдена, который сумел так смело поговорить с грозным Тимуром.

5. ХОРОШИЕ ЛИ ГОРЦЫ МУСУЛЬМАНЕ?

В одном из архивныхохранилищ Москвы я прочёл такие строки: «Горцы были плохими мусульманами». По отзыву капитана генштаба Норденштамма, «за веру они не думали подвергнуть себя и свои семейства опасности».

В 1834 году русский офицер И. Н. Волконский, делая общий обзор войне на Восточном Кавказе, писал, что для дагестанских горцев характерно «смутное и сбивчи-

вое понятие о религии, неправильное отправление богослужения, совершенное неведение и шариага».

Даже приближенные Шамиля подтверждают мнение Норденштамма. Известный сторонник Шамиля Магомед-Тагир, оправдывая жестокости, чинимые в аулах мюридами при введении шариага, писал: «Применение силы оказалось необходимым: одни слабо придерживались ислама, другие совсем забыли его, большинство же народа совершенно безучастно относилось к делу спасения своих душ... Словом, истинно верующих было мало».

В одной из бесед даже сам имам Шамиль признал: «Скорее горец отступится от ислама, нежели от своего обычая». Подумав немного, он добавил: «Хотя бы это был обычай ходить без рубахи».

6. ЗА ЧТО МУГИНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ РУГАЛИ БОГА

Если мужчина умирал, мало прожив на свете, женщины аула Муги, собираясь на оплакивание (яс), билли себя по бёдрам и кружились вокруг стоящей в середине круга запевалы яса. Заканчивалось оплакивание в таких случаях обязательно руганием бога за то, что он так рано забрал к себе мужчину, который мог бы ещё жить.

7. ДЛЯ БОГА У МЕНЯ НЕТ МНОГО ВРЕМЕНИ

Однажды горец, возвращаясь с базара, остановился напротив усадьбы учёного арабиста Гасана Алкадари и начал намаз. Молитва оказалась законченной необычайно быстро, и Гасан Алкадари сказал: «Разве бог примет такую молитву?».

Горец ответил: «Бог не такой дурак как ты, — он знает, что у меня нет времени задерживаться в пути».

I. ПРЕДАНИЯ О ШАХ-ХИРМАНЕ

Хирман в южном Дагестане — это место для молотбы зерна. В Курахе и окрестных селах сохранилось много преданий о том, как на такие хирманы войны Надир-шаха сгоняли женщин с грудными младенцами, связывали их по рукам и ногам и затем топтали конскими копытами.

Главный хирман в Курахе с тех пор называют Шах-хирманом.

В ауле Тузла рассказывают, что такой хирман Надир-шах устроил в ауле перед большой мельницей.

В ауле Орта-стал рассказывают, что до нашествия Надир-шаха неподалёку от их села существовало укрепленное поселение Кард. Крепость эта не покорилась иранцам. Послов шаха кардцы убили. Надир-шах штурмом взял город и разрушил его. После этого на глазах оставшихся в живых родителей он согнал детей в одно место, связал их и пустил на них лошадей. Город был разрушен.

Легенды о Шах-хирмане есть и у табасаранцев. Рассказывают, что под Зидияном, прозванным по этому случаю Иран-харабом (Гибелью Ирана) табасаранцы

нанесли удар войскам Надир-шаха. Шах расстроился, повёл все войска на земли табасаранцев, разрушил множество сел, а жителей увёл в плен. На территории нынешнего Ашаси-ярахского сельсовета и сейчас видны следы развалин одиннадцати аулов. Говорят, что в Ишмиге шах устроил молотбу детей — Шах-хирман.

2. СКАЗАНИЕ О СРАЖЕНИИ ПОД ТУРЧИДАГОМ

В лакских районах распространено такое предание о битве с Надир-шахом в местности Турчидаг и в Андалале.

Сражение началось с нападения на табуны иранской кавалерии. Нападение было совершено ночью, стремительно и бесшумно. Сперва была перебита охрана табунов, а потом горцы угнали большое количество иранских лошадей в лагерь лакского предводителя Муртазали.

Часть лошадей убежала в лагерь Надир-шаха, но там особого смятения не произошло, — кадjarы решили, что лошади испугались какого-нибудь зверя.

Утром кадjarы узнали о судьбе своих лошадей и, обозленные, стали готовиться к сражению с горцами, но и горские отряды с восходом солнца уже приближались к расположению врага.

Надир-шах, стоявший на утёсе, наблюдал за движением горцев и обратился к пленному Сурхай-хану кумухскому с вопросом: «Скажи, Сурхай, кто это на белом коне и что за отряды?» Сурхай ответил, что тот, кто на белом коне — это его сын Муртазали, а эти отряды состоят из людей, «решивших победить или умереть».

Завязался бой в андалалской долине. Горцы с княжалами и шашками смело бросались на кадjarов. Местность, на которой происходила битва, покрылась

трупам врага, стоны раненых смешались со звоном стали. Муртазали увлекал всех личным примером и смело врзался в ряды врагов. С отвагой и храбростью бился его друг Чупалав. Удивил предводителя Муртазали своей храбростью и мужеством и один из даргинских воинов, сражавшихся в лакском отряде. Предание говорит, что Муртазали в разгар битвы горячо расцеловал юношу.

Надир-шах воскликнул: «Что это за мыши лезут на моих котов?»

«Подлый шнит! Разгляди хорошенько своих куропаток и моих орлов, твоих голубей и моих соколов!» — сказал в ответ Муртазали.

Надир-шах бросал в бой всё новые и новые силы, а горцы противопоставили численному превосходству кадjarов только свою стойкость и мужество.

Но весть о тяжёлом положении горских воинов уже дошла до ближайших аулов. Женщины Чоха, Согратли, Меге, Турчи, Ури, Мукара, вооружённые чем попаля, бросились на помощь мужьям, братьям и отцам, и сражение разгорелось с новой силой.

К вечеру сражение стихло. Женщины переоделись ночью в мужские одежды, а мужчины в женские, потому что горцы заметили, что кадjarы больше всего рвались туда, где были женщины, — с ними им было легче сражаться. Утром, когда сражение разгорелось снова, кадjarы, полагая, что они имеют дело с женщинами, врзалась в мужские ряды и просчитались — горцы рубили кадjarов без пощады. К тому времени один из конных отрядов горцев зашёл и в тыл Надир-шаха и целиком уничтожил его охрану — последнюю боевую опору шаха. Говорят, что когда до него дошла весть о разгроме этого отряда, он совсем обезумел, поднял руки к небу и стал умолять аллаха выручить его из беды, а потом позвал индийского факира-прорицателя и

приказал угадать ему его судьбу. Но прорицатель только молча сидел на камне и смотрел на долину, покрытую трупами кадjarов, ибо судьба Надира была перед его глазами.

Так горцы победили непобедимого Надир-шаха. Остатки кадjarских войск побежали в сторону Кази-Кумуха, отряды горцев преследовали их и за границей Андалала.

Это предание, которое я записал в Лакском районе, у лакцев существует и в форме исторической песни. Но в песне нет многих деталей.

3. ПОДКОВЫ, ПРИБИТЫЕ НАОБОРОТ

В ауле Карацан я записал легенду, рассказывающую о том, как кайтагцы и табасаранцы боролись против ставленника Надир-шаха Магомета. Этот Магомет обосновался у Солёного родника (по-местному: Чумус Гяниц) в двенадцати километрах от села и в шести километрах от современной станции Мамедкала. Отсюда Магомет посылал своих людей в окружающие аулы для сбора дани. Сперва он брал по грозди винограда с каждого жителя, потом стал брать корзину и, наконец, дошёл до того, что стал похищать девушек для шахского гарема.

Власть Надир-шаха в первые месяцы его владычества, видимо, признавалась здесь только формально. Об этом говорит незначительный налог. Потом завоеватели стали более нахальными в своих притязаниях. Население, возмущённое наглостью иноземцев, восстало. Сёла объединились, избрали руководителей отдельных отрядов, которые стали совещаться, как лучше организовать нападение на резиденцию шахского наместника у Солёного родника.

Один из руководителей отряда, представитель аула Хадаги, предложил хитроумный план: подковать лошадей, прибив подковы наоборот, чтобы след обманул противника. Многие не верили в успех дела, но старики говорили: «Когда мы выступаем в одиночку, мы — ничто, но если мы соединимся, Магомет нас не одолеет. Одну розгу и ребенок сломает, а пучок рзэг не может сломать и богатырь». Умный совет стариков воодушевил горцев — почти все теперь присоединились к восставшим.

Ночью один горский отряд напал на гарнизон наместника Надир-шаха, а основные силы горцев устроили засаду в окрестностях села. Когда персы погнались за напавшими на них горцами, эти основные силы восставших двинулись на персов из засады и захватили почти весь гарнизон. Когда к Магомету подоспело вызванное им подкрепление, горцев уже и след простыл.

Магомет погнался за горцами и остановился в недоумении. Гнаться было не за кем. Оказывается, отряд восставших ушёл совсем не туда, куда показывали следы копыт.

Так военная хитрость и сплочённость горцев выручили их из беды.

4. Я ОБРАЩАЮСЬ К ЧИТАТЕЛЮ: ПОМОГИТЕ УСТАНОВИТЬ — ЧТО ЭТО ЗА ТАИНСТВЕННЫЙ БОГАТЫРЬ ШАРВЕЛИ?

Различных легенд и преданий о борьбе горцев Дагестана с Надир-шахом и другими иноземными завоевателями можно записать столько, что их хватит на целую книгу. Выше я привёл только три таких предания просто в качестве образца.

Но среди легенд этого типа в одном из аулов есть такие, что поражают исторической неопределённостью

Речь идёт об ауле Ахты и о созданном творческой фантазией ахтынцев богатыре Шарвели. Во всех дагестанских преданиях и легендах о богатырях, поднимавших народ на борьбу против завоевателей, всегда точно указывается — против кого боролся богатырь и когда это было. А в легендах о Шарвели всё это стерто.

О Шарвели есть много легенд, но все они какие-то расплывчатые — видимо, это какой-то древний эпос, и он давно уже стал забываться.

Я давно интересуюсь легендами о Шарвели. Мой друг, известный дагестанский фольклорист А. Ф. Назаревич, записывал их ещё в двадцатых годах, когда он жил и работал в ауле Ахты. Часть материала он в 1940 году включил в сборник «Лезгийрин фольклор». И всё-таки оба мы за много лет так и не можем ухватиться за тоненькие ниточки научного исследования многочисленных полузабытых народом легенд о Шарвели и даже грубо определить: относится ли цикл легенд о Шарвели к национальной борьбе или антифеодальной. Поэтому я привожу здесь одну из легенд о Шарвели (её сообщил мне мой товарищ по работе, коренной ахтынец, историк, кандидат наук Н. П. Эмиров) и обращаюсь к читателям с просьбой — собирайте и записывайте всё, что можно узнать о Шарвели, записывайте новые варианты легенд о нём, порасспросите стариков, — как они думают — что это за богатырь, когда он жил, с кем боролся, не было ли в старину песен о нём, не связывается ли он в каких-либо легендах и песнях с другими героями, нет ли упоминаний о Шарвели в легендах других, соседних с Ахтами аулов? Все мы трое, и я, и А. Ф. Назаревич, и Н. П. Эмиров, были бы очень благодарны читателям, если бы они прислали нам этот материал — может быть, когда-нибудь и удастся раскрыть тайну богатыря Шарвели и понять истоки этого народного художественного образа.

А теперь я поделюсь с читателями одной из легенд о Шарвели.

Говорят, что богатырь Шарвели был пастухом. Он прославился как защитник народа. Если кто-либо интересуется легендой о Шарвели, ахтынцы ведут такого человека к его дому на берегу реки около верхнего моста. Говорят, что дом этот старики когда-то заботливо сохраняли, а сейчас от него остались только развалины.

Передают, что Шарвели отличался необыкновенной силой и ловкостью. Прыгал Шарвели как никто из людей, даже со столудовой дубинкой в руках он перепрыгивал через Ахты-чай. Однажды, когда Шарвели прыгал через реку, большой палец его ноги слегка коснулся воды. Тогда Шарвели рассердился и отрубил палец, чтобы он не мешал в другой раз.

Пока Шарвели стоял на ногах, ахтынцев не мог одолеть ни один враг. Но сбить с ног и повалить Шарвели на землю никому не удавалось. Враги знали об этом и однажды, наступая на Ахты, пошли на хитрость. Они предложили перед началом общего сражения испытать поодиночке наиболее храбрых бойцов. Единоборство они подготовили на большом общем хирмане вроде тех, на которых Надир-шах давил копытами пошадей беззащитных детей. Весь хирман враги усыпали сухим горохом. Каждый из бойцов перед единоборством должен был сорок раз обежать хирман в деревянных башмаках.

Единоборство, как и ожидали враги, начал Шарвели — он был самым сильным из ахтынцев. Шарвели надел деревянные башмаки, побежал по хирману и упал, так как горох мешал бежать. Этим враги и воспользовались. Они схватили богатыря и зарубили его.

Шарвели перед смертью сказал своему другу: «Я умираю, но вы не забывайте меня. Когда нашей земле будет грозить опасность, вы услышите мой голос. Подойдите

к горе Келе, назовите меня, и я приду к вам на помощь, и вы победите».

Любопытно, что легенды о Шарвели по-новому звучали в годы Великой Отечественной войны. Говорят, что накануне войны кто-то из ахтынских стариков услышал ночью голос Шарвели — он предупреждал о грозной опасности.

VIII. О ТОМ, ЧТО ПРЕВРАТИЛОСЬ В РАЗВАЛИНЫ

ЛЕГЕНДЫ О СЛЕДАХ СТАРИННЫХ ГОРОДОВ,
КРЕПОСТНЫХ СТЕН И БАШЕН

1. ИЗ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ АРХЕОЛОГА

В древнем Дагестане почти в каждом ауле у ворот в селение по ночам стоял караул. Для караульной стражи иногда строили сторожевые башни. Следы такой башни есть и на скале у входа в мой родной аул Гапшима. Вот несколько заметок о башнях и крепостях из памятных тетрадей, с которыми я никогда не расстаюсь в поездках по Дагестану.

* * *

Неподалёку от селения Белиджи, километра полтора в сторону Дербента, сохранились развалины большой крепости. Её здесь называют «Турпагкала». По-азербайджански турпаг — земля. Выходит, что это — земляная крепость. Крепость квадратная. С боковой стороны действительно следы высокого земляного вала. Передают, что она была построена для укрепления Дербента.

* * *

Вокруг Хунзаха имелось много башен и крепостей. Когда приближались враги, в этих башнях прятались женщины и дети.

Очень интересна Ицаринская оборонительная башня. Она стоит на возвышенности перед аулом. Строить её было очень трудно — камни передавали по цепочке. Башня когда-то была в семь этажей. Сверху была площадка. Говорят, что ицаринцы построили свою башню для защиты от нападения сюргинцев: В ауле жил Талкан.

* * *

В ауле Ругуджа было несколько башен. Этот аул считали короной андалалов. Здесь жил Султанау — хан андалалов. Когда этот аул был взят войсками имама Гамзат-бека, Султанау попал в плен. Его привели в Гимры, и он там был убит.

* * *

Интересны исторические памятники аула Тануси. Здесь, на летнем колхозном пастбище, сохранились следы башен Мулик и Арах, построение которых приписывается аварскому владыке Суракату. В южной части селения на ровном месте высится большой одинокий камень. Говорят, что это запретительный знак Сураката — дальше этого камня никому не разрешалось строить дома.

Над бывшей мечетью (её высота достигает сорока метров), в северной части селения имеется озеро. Оно довольно велико — в нём до пятисот кубометров воды.

Севернее, километрах в четырёх от селения Тануси, есть следы окопов. Их соорудил Шамиль, когда покорял население Тануси.

* * *

Неподалёку от аула Векеляр есть участок, носящий название Келедин-Мури. В переводе это означает: Место крепости. Крепость когда-то возвышалась над ска-

лой. Под крепостью в горе — большая пещера. Говорят, что когда-то в пещере жили люди, а позднее в ней укрывались во время опасности жители Векетяра.

Напротив этого же аула имеется местность, носящая название Гардан-пёк. В переводе: Место казни. Рассказывают, что когда-то, ещё до арабов, аулом правил жестокий правитель. Это место и является памятником его жестокости.

2. СЕМЬ БРАТЬЕВ И КРАСАВИЦА СЕСТРА

В южном Дагестане — много легенд о хучнинской крепости. Вот одна из них.

Жили-были семь братьев с единственной красавицей-сестрой. У сестры были длинные косы, при их помощи она доставала в кувшине воду из речки, когда братья строили крепость.

Братья много лет воевали со своими врагами. Но сестра семи братьев полюбила предводителя врагов своих братьев, набрала воды из речки, растворила в ней соль и залила солёной водой ружья своих братьев. Ружья испортились, и братьям грозило поражение. Но на их счастье у них сохранились их мечи. Братья разбили своих врагов, а сестру связали, и старший брат изрубил её на куски.

Похоронена сестра в лощине к югу от крепости Хучни.

* * *

Легенда, которую мне сообщил секретарь райкома КПСС известный табасарачский поэт Муталиб Митаров, напоминает эту общеизвестную легенду о семи братьях и их сестре. У легенды только другая концовка. Враги ворвались в Табасаран, убили семерых братьев и убили также сестру, сказав, что она, изменившая своим брать-

ям, изменит и врагу её братьев, которого она полюбила.

Говорят, что табасаранцы, презирающие изменницу, считают своим долгом кинуть камень на её могилу. Так образовалась большая гора. Могилы давно не видно, но кто бы ни прошел мимо этого места, каждый бросит сюда и свой камень.

* * *

И еще один вариант концовки легенды о семи братьях.

Вражеские войска, предводителя которых полюбила сестра семи братьев, обещали сестре, что её братья останутся живыми и получат во владение много окрестных сел. Когда сестра помогла врагам взять крепость, они нарушили своё слово и напали на братьев. Двум из них удалось на быстрых лошадях убежать от позорного плена. Они подняли против своих врагов всех табасаранцев, не допустили пришельцев в верхний Табасаран, а изменницу-сестру закидали камнями.

Один из семи братьев — Касум поселился после этого в местности, где ныне расположен Касумкент. Отсюда, говорят, и произошло название аула.

3. ЛЮБОПЫТНЫЕ ВЫПИСКИ

У венецианского дворянина Марко Поло, побывавшего в 1286 году в Дагестане, я выписал вот это место о Дербентском проходе:

«Александр Великий велел воздвигнуть у этого прохода стену и укрепить её башнями, чтобы люди, жившие по ту сторону, не могли причинить ему никакого вреда. Этот проход, вследствие его необыкновенной крепости, назывался впоследствии Железными воротами и поэтому говорят, что Александр Великий замкнул татар между двумя горами».

А вот выписки из совсем позднего, относящегося к концу XIX века, свидетельства А. Семенова (напечатано в приложении к Терскому календарю), о кумыкских аулах Эндери и Аксай.

Эндери.— Ещё в начале XVIII века он был большим азиатским городом с многочисленным населением и обширную торговлю. Разрушен в 1722 году сподвижниками Петра I во время Восточного похода. После этого он оказался бессильным восстановить после того своё прежнее значение.

Аксай. — Этот аул славился своими виртуозами по части пения и танца. Аксаевцы любили ловкую и острую шутку, веселье. Принято было говорить, что аксаевец купит, продаст, обманет, украдёт, подерется и убьёт — всё с легким сердцем и улыбкой.

4. НЕ НАЙДЕН ЛИ ДРЕВНИЙ СЕМЕНДЕР?

По совету студентов я поехал в Уллубий-аул, где неподалёку от селения сохранились развалины какого-то неизвестного города. Жители Губдена и Уллубий-аула называют эту местность «Урцек». О существовании развалин древнего города тут узнали совсем недавно, когда начали вывозить отсюда в нефтяной Избербаш строительный камень.

Я сам видел, как камни для избербашских строек извлекаются из остатков древних крепостных стен. Правда, разбирались только обнажённые остатки строений, — под землю камнедобытчики не углублялись. По сути дела тут происходило самое настоящее разграбление остатков древних памятников материальной культуры, и я тогда же написал об этом в газету.

Осмотрев урцекские развалины, я пришёл к выводу, что в этой местности действительно когда-то был боль-

шой, видимо, многолюдный город. По размерам он не уступит и нынешнему Избербашу. Город был расположен на пирамидообразной возвышенности в живописной долине, окруженной лесами, и со всех сторон был укреплен крепкими оборонительными сооружениями.

По далеко растянувшейся насыпи крупных и мелких камней можно проследить остаток главной крепостной стены. Она тянулась в горы примерно на 10—15 километров. Начиналась стена в Добишском ущелье, тянулась до горы Кати, а оттуда поворачивала на запад в сторону селения Джанга. Ширина главной крепостной стены была, видимо, не менее трех метров. Наружные стороны крепостной стены были сложены из крупных камней, а пространство между ними засыпано мелкими камнями, глиной и песком. Стена защищала город с севера, с востока (со стороны моря) и с юга (со стороны Дербента).

За главной крепостной стеной перед въездом в город, наверно, были ещё одни крепостные стены с башнями и разными воинскими помещениями. Так повторяется через каждые три—четыре километра.

С запада, со стороны Губдена, город защищён отвесными скалами.

На территории, на которой раньше был расположен собственно город, сохранились развалины жилых строений. Кладка стен, как правило, сухая. Это обычный способ кладки, применявшийся в Дагестане с глубокой древности.

Вокруг развалин, среди мелких камней попадаются черепки с грубой шероховатой поверхностью и совсем гладкие с разноцветной (белой и красной) окраской. Есть следы старинного водопровода. Одно из разветвлений его действует и поныне.

У губденцев сохранилось предание, в котором рассказывается, что, когда жители вынуждены были ухо-

доть из города, они замуровывали головной источник и оставляли пришельцев без воды.

Городские водопроводы приводили в действие три мельницы. В одном из ущелий Урцки их остатки легко заметить.

По всему видно, что в возвышенной части города был расположен дворец с подсобными и хозяйственными помещениями. Дворцовые кладовые были вырублены в толще скалы. Сверху в таких кладовых видно небольшое отверстие, кое-где сохранились и ступеньки. С внутренней стороны эти кладовые округлены, а дно ровное. Я насчитал пять древних кладовых. Некоторые из них могли служить винными погребами. Одна из них доверху завалена камнями. Следом за замеченными мною кладовыми тянутся и другие, сплошь заваленные камнями. Жители Уллубий-аула рассказывают, что молодёжь находила среди этих камней глиняные кувшины.

Разнообразны погребальные памятники Урцки. Тут и грунтовые могильники, и кургачи, и каменные ящики, прикрытые огромными каменными плитами. Многие грунтовые могильники имеют насыпи, над которыми вертикально стоят грубоотделанные каменные плиты.

Интересны для исследователей и окрестности развалин древнего города Урцки. Здесь явно видны следы древнего террасного земледелия. Сохранились и остатки виноградников. Но всё здесь одичало. В диком виде здесь много груш и яблонь.

Город, о котором мы говорим, видимо, имел широкие связи с окружающими странами. Через город с севера проходила караванная дорога в сторону нынешнего Хасбулат-кутана, Каякента и далее на Дербент. Следы этой дороги видны и сейчас. Одна из дорог из Уллубий-аула ведёт к развалинам города.

Вот примерно то общее впечатление, которое сложилось у меня при осмотре развалин древнего города.

Знают ли жители Губдена и Уллубий-аула что-либо об урцекских развалинах? Да, знают. Губденцы рассказывают, что здесь раньше находился большой город, жители которого были армянами. Потом город был разрушен, и жители покинули его. Случилось это, наверно, тысячу лет назад. Почему и как был разрушен город — об этом ни губденцы, ни уллубий-аульцы не знают.

Я думаю, что в урцекском городище мы имеем дело с одним из ранних средневековых дагестанских городов.

Известно, что на территории Дагестана, кроме Дербента, существовали города Чога, Таргу (Тарки), древний Семендер и другие. Армянские авторы упоминают также о городе Варачан. Местоположение Семендра и Варачана до сих пор ещё не определено.

Возможно, что Урцки — это и есть один из этих двух городов.

Пока достаточных оснований к этому нет, но особенно меня привлекает версия Семендерская.

Среди советских историков давно идёт спор, где был город Семендер. Одни утверждают, что Тарки и Семендер это одно и то же. Другие склонны искать Семендер не в Тарках, а на Сулаке.

Чем вызван такой большой интерес к Семендеру? Дело в том, что Семендер был главным городом хазаров, которые господствовали в приморском Дагестане с VI века. Семендер оставался хазарской столицей до 30-х годов VIII века, и если в действительности удастся установить, что эта столица находилась на территории Дагестана, то придется пересмотреть многие вопросы средневековой истории Дагестана. Тогда уже никак нельзя будет рассматривать историю Дагестана изолированно от истории хазаров.

Что же можно найти в литературе о Семендере? По свидетельству большинства арабских писателей, Семендер находился в четырех днях пути от Дербента. Иби-

Хаукаль — арабский путешественник X века, посетивший Кавказ, связывает Семендер с Дербентом. Он говорит, что ему пришлось беседовать с человеком, бывавшим в Семендере после его разрушения, и этот человек ему рассказал, что «если там (в Семендере) ещё есть виноградный куст или сад, то всё, что в нем есть, представляет милостыню, разве только, что господь заставит черенок вновь развиться». Все это погребло вместе со страной, а она весьма избобиловала лозами и виноградом. Её населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у евреев синагоги».

Другой арабский историк того же периода Ал-Истархий писал, что Семендер — город хазарский и расположен недалеко от Дербента. На территории между Семендером и Дербентом «находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру... В Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети. Постройки семендерцев деревянные, плетёные, кровли домов выпуклые. Царь Семендера иудейского вероисповедания и находится в родстве с царем хазаров».

Нет ли чего-либо общего у Семендера с урцекским городищем? Некоторые моменты из тех сведений о Семендере, которые оставили нам арабские путешественники, подходят, мне кажется, к Урцекскому городищу, — здесь такое же примерно расстояние от Дербента, здесь такая же близость к Каспийскому морю, о которой пишут в связи с Семендером арабские писатели Масуди и Мукадий, здесь такие же сады и виноградники.

Арабские писатели свидетельствуют о том, что в Семендере жили люди разных вероисповеданий. Разнообразные виды погребальных памятников и наличие остатков нескольких кладбищ, о которых я уже говорил, и с этой стороны дают возможность как-то сопоставлять Урцекское городище и Семендер.

Конечно, всего, о чём я говорю, ещё недостаточно для того, чтобы утверждать, что Урцеки это и есть Семендер. Всё это надо изучить и доказать. Дело теперь за глубокими археологическими исследованиями.

5. ТАЙНА РУИН НЕВЕДОМОГО ГОРОДА СВЕЧЕЙ

После того как я в апреле 1959 года напечатал в газете «Дагестанская правда» сообщение о развалинах древнего города Урцеки, расположенного недалеко от селения Улдубий-аул, со всех концов Дагестана я стал получать сведения и о других исторических памятниках. Больше всего меня заинтересовало то, что мои корреспонденты сообщили мне о селении Шам-Шахар Сергокалинского района.

Здесь на большой территории тоже сохранились следы жилых строений, напоминающие городище Урцеки. Когда на этой территории кое-кто из сельчан начинал строить дома, в земле находил остатки человеческих костей, золы, угля, черепки битой посуды, а иногда и целые сосуды, причём один из них был наполнен просом. Попадались и медные изделия, стеклянные бусы и предметы вооружения.

Я решил побывать в Шам-Шахаре. Сделать мне это сразу не удалось, но я часто задумывался о всём, что мне сообщали, и вспомнил, что «Шам» по-даггински это свеча, а «шахар» — город. Получается: «Город свечей». Откуда такое название? Всё было непонятно и всё звалось в Шам-шахар. К сожалению, только значительно позднее, весной 1961 года, мне довелось, наконец, поехать в этот таинственный Город свечей. Я благодарен содействию в изучении древнего городища, которое мне сказал тогда уроженец Губдена заведующий школой в Шам-шахаре, ныне доцент нашего университета М. Аб-

дуллаев. С ним я провёл в Городе свечей два интересных дня.

В Шам-шахаре сейчас 150 хозяйств колхозников. Территория эта заселена сравнительно недавно, в период организации колхозов. До этого на этой земле никто не жил. Первые поселенцы Шам-шахара строительный камень для своих построек находили в большом количестве тут же на поверхности. А потом при рытье канав и при строительстве новых домов с фундаментами шам-шахарцам стали неожиданно попадаться то древние захоронения, то фундаменты старинных домов, а то и предметы обихода.

Только немногие из находок уцелели. Мне удалось заполучить от колхозников два гончарных сосуда явно древнего происхождения. Я внимательно осмотрел места находок этих вещей, а затем обошёл окрестности Шам-шахара.

На пути мне попадались груды камней, много явных остатков былых построек и, возможно, крепостных стен, следы культовых мест и черепки битой посуды самого разного образца. Во многих местах обнаруживаются следы древних погребений. Я обратил внимание, что погребальные сооружения, как правило, подразделяются на два основных типа: 1) погребальные сооружения без насыпи, иногда покрытые огромными каменными плитами, видимо, для коллективного захоронения и 2) погребальные сооружения, с каменными надгробиями в виде столбов или плит.

Всё, что я увидел, наводит на мысль о том, что Шам-шахар — это одно из древних дагестанских городских поселений. Город этот расположен в 18 километрах от Каспийского моря и по размерам почти вдвое больше, чем городище Урцки. Расположен город в живописной местности. Центром была, видимо, возвышенная часть города. Наверно, здесь был и храм,— не случайно мест-

ные жители называют это место «Киласила как», т. е. Церковный, храмовый холм.

По остаткам развалин можно судить, что дома здесь были большие и город был довольно населён. По следам оборонительных сооружений можно заключить, что город с трёх сторон был защищён крепостными стенами, а с четвёртой — естественными обрывистыми скалами. Местами крепостная стена тянется в несколько рядов. Следы крепостных строений здесь сохранились даже лучше, чем в Урцки. Ширина крепостной стены — от полутора до двух метров. За стеной видно были места для загона скота. Таких загонных можно насчитать несколько, и они значительны по размерам.

Почти рядом с древним Шам-шахаром был расположен, видимо, и второй город. Границы его начинаются за обрывистыми скалами, через лошину, тянутся примерно на 700—800 метров. Город этот уже целиком горный. К нему ведёт только одна дорога, — следы её хорошо можно увидеть и сейчас. Город был обращён в сторону моря и сильно укреплён. Хорошо сохранились здесь остатки крепостной стены.

Вокруг обоих городов — следы заброшенных садов и одичавших виноградников.

Когда я был в Шам-шахаре и Губдене, мне рассказывали, что между Шам-шахаром и Джангой в лесистой местности сохранились развалины ещё какого-то неизвестного города. К сожалению, там мне побывать не удалось.

Встаёт вопрос: к какому же времени можно отнести существование тех городов, развалины которых мне удалось осмотреть. Сопоставление того, что я наблюдал в этих двух городах, с тем, что обнаружил за год до того приморский отряд экспедиции Института истории, археологии и этнографии Дагестанского филиала Академии наук СССР на месте древнего города Урцки,

даёт основание предполагать, что памятники новых двух городов — одного времени и одной культуры с урцекинским.

Ещё до недавнего времени мы, из исключенцем Дербента, не знали о сколько-нибудь значительных городских сооружениях древности на территории Дагестана. А теперь — сразу три городища, и все они — в приморском Дагестане. Это наводит на мысль о том, что именно в Приморье раньше, чем в остальном Дагестане, зарождалась и развивалась его городская жизнь. Стихийные бедствия и войны разрушали эти города, стёрли с лица земли. Но немые свидетели былой жизни оставались. Земля сохранила остатки жилищ, глиняных сосудов и предметов хозяйственного обихода. По ним можно восстановить теперь и картины жизни и быта исчезнувших городов.

Всё это ещё изучается, но что уже сегодня можно сказать о судьбах городов у Шам-шахара?

Прямых указаний об этих городах в письменных источниках не найти. У древнегреческого ученого II в. н. э. Птоломея можно узнать, что в Кавказской Албании имелось 29 городов и многие из них были расположены по морскому побережью. Возможно, что и Шам-шахар и его спутник входили в число 29-ти птоломейских городов.

Когда нет письменных источников, обращаешься к устным преданиям. Я уже отметил, что у губденцев сохранилось предание о том, что Шам-шахар некогда был заселён «народом армянской веры». Тут, видимо, речь идёт о христианском населении времён Кавказской Албании, — в её времена распространение христианства в горах шло именно через Армению. Потому-то, видимо, и жителей древнего Шам-шахара называют «армянами».

У губденцев сохранилось предание и о том, что города, о которых я веду речь, разрушены во время наше-

ствия арабов. Говорят, что завоеватели не раз шли войной на эти города, но взять их не могли. Лишь при арабском полководце Мерване эти крепости были взяты и сожжены. Вполне возможно, название Шам-шахар и возникло как память о сожженном арабами городе. Не Горящий ли город — Шам-шахар? И не подтверждают ли это название толстые слои золы, уголь и обгоревшие куски дерева?

Но Шам-шахар мог получить свое название и от светящихся огней естественного горючего газа, которым так богат весь район Избербаша. Не был ли Шам-шахар светящимся городом древних огнепоклонников?

Ответить на эти вопросы пока нельзя. Удивительно мало мы пока сделали для археологического изучения Дагестана! Но находки в Урцек и Шам-шахаре уже сегодня дают материал для более лучшего понимания исторического прошлого Дагестана. В прошлом в среде некоторой части историков распространялось утверждение, что города в Приморском Дагестане строились различными пришельцами и завоевателями, — не случайно, мол, Дербент построен Ануширваном. Сейчас можно говорить, что такие утверждения неверны в своей основе. Древние города в Дагестане возникли и развивались не по прихоти пришельцев, а были тесно связаны с коренным населением страны, с развитием среди него ремесла и торговли, и творцами этих городов были древние дагестанцы.

Ищите и храните всё, что таится ещё в земле и что говорит о древней дагестанской культуре!

1. МЕСТО, КУДА СКАТИЛАСЬ ГОЛОВА БЕДНЯКА

В Курахе 90-летний Хидир Кабиев показал студентам Дагестанского университета, ездившим на каникулы, место, которое в народе причислено к зиярату, т. е. святому месту. Связано оно с памятью Мурсал-хана, самого злого хана из тех, кого только знали лезгины. Старик Кабиев рассказывает, что когда хану хотелось свежего мяса, он приказывал своим нукерам хватать первого попавшегося барана или быка, принадлежавшего курахцам.

Если кто сопротивлялся ханскому грабежу, Мурсал-хан приказывал отрубить ему пальцы, затем руку, а потом резал человека, как мясник скотину.

Когда хан выходил на прогулку, никто не смел отваться на дороге. Если встретишь хана, нужно было сейчас же пасть лицом к земле.

Однажды, когда хан ездил в соседний аул, один бедняк не заметил хана и не упал в пыль перед ним. Хан приказал нукерам схватить бедняка и отрубить ему голову. Место, куда скатилась голова крестьянина и объявлено зияратом.

В памяти лакцев сохранились самые мрачные воспоминания о периоде правления казикумукского хана Агалара. Его имя в народе всегда произносилось с проклятием. Говорят, что когда он умер, то даже в могиле лаял по-собачьи. Кумухцы разрыли ночью его могилу, стрезали голову хана и, положив ее к ногам, бросили в могилу вместо головы дохлую собаку.

Один из современников Агалар-хана Абдулла Омаров в своих «Воспоминаниях муталима» так рассказывает о жестокости хана:

«Мне пришлось увидеть толпу женщин и стариков, которых вели по улицам, точно на поход. У каждого из этих несчастных было навешено на нос или на губу по куску разбитой глиняной посуды. Они были балхарцы и ходили к мюридам для продажи посуды. Их поймали в пределах Казикумукского ханства, и хан приказал отобрать у них все вещи, посуду их побить, навесить каждому из них на нос или губу по куску этой битой посуды и проводить таким образом до границы своих земель...»

«Пристрастившись к разгульной жизни и любя постоянное веселье, хан часто приглашал к себе молодых людей и девушек, хорошо умевших петь песни или плясать. Подобными талантами вообще отличается прекрасный пол Вицхинского магала, который находится по соседству с Цудахаром. Однажды, в день пятницы, когда в Цудахаре был базар, две девушки сел. Кунди, принадлежавшие к числу артисток хана, пошли на базар, а оттуда они были приглашены в дом цудахарского кадия, где было в гостях несколько нукеров одного из русских начальников, с которым хан был не в приятельских отношениях. По просьбе домохозяйки девушки увеселяли

Гостей, пели по-казикумухски и в тот же день вернулись домой. Услышавши об этом, хан приказал арестовать их и представить к нему. На другой день, к всеобщему ужасу, девушки были вынесены из ханской конюшни (куда они были посажены) мертвыми, с царапинами на лицах и следами веревки на шеях..»

«Хан прибежал и к пыткам. Однажды в ханском дворе случилось воровство. По подозрению, были арестованы бывшие в ту ночь караульщики из нукеров, а также и некоторые другие нукеры. Так как на допросах не могли добиться от них сознания, то хан приказал совершить над некоторыми из них следующие пытки: двум из них на груди были разведены сгни, третьего пытали раскалённым железом, выжигая медленно разные места из тела, а четвёртому сделали на бритой голове чашку из теста и стали лить туда кипящее масло. Пытки эти повторялись несколько раз: хан смотрел с любопытством на страдальцев и, видимо, с удовольствием слушал душераздирающие стоны, которые и умерли в муках, и в воровстве не сознались».

3. ЗА ЖАЛОБУ — СМЕРТЬ

В Военно-историческом архиве мне довелось прочесть такое донесение:

«Такитинский житель явился к хану аварскому Ибрагиму в числе нескольких односельцев своих с просьбою об освобождении от платежа подати за пользование горою, принадлежащею хану. Когда он начал говорить об этом, просьба его показалась хану такою дерзкою, что он, не отвечая на слова, ударил говорящего по голове кистенем, налитым свинцом. Такитинец упал без чувств. Его вынесли из ханского двора замертво, и на пятый день он умер».

Аул Кажуг входил во владение ярахского хана. В селе жил бек. За отказ отбывать повинности ему он жестоко наказывал. Рассказывают, что один из крестьян по имени Самурха был зарыт в навозную кучу вверх ногами лишь только за то, что он отказался пойти к беку на сенокос.

Другой раз крестьяне Абдулах, Гагим и Муса сговорились открыто сказать о своём недовольстве беком. Вечером, когда люди собрались на улице, Рагим повёл с сельчанами речь на эту тему.

Бек услышал, пришел в ярость и тут же кинжалом убил недовольного.

4. РАССКАЗ ОБ ОБЩИПАННОМ ПЕТУХЕ

Жители аула Куркак были райятами — крепостными Вечрикского бека. Среди подвластных беку крестьян с таким положением никак не хотел смириться некий бедняк по имени Гаджи. Нукеры бека били его, изранили, но он всё равно не смирялся. В отместку он угонял бекский скот.

Гаджи не раз ходил с жалобой на бека к начальнику Кайтаго-Табасаранского округа и даже к губернатору Дагестана.

Его там выгоняли и били.

Тогда Гаджи захватил с собой петуха и поехал в Тифлис.

Там он ощипал все перья у живого петуха и отправился с жалобой на бека к царскому наместнику.

— Смотри, князь, что сделал с нами наш бек,— сказал он и вынул из-за пазухи общипанного окровавленного петуха. Наместник велел вышвырнуть жалобшика за шиворот из дворца.

5. ЗА ЧТО ЖЕ НАС ОТДАЛИ ЗЛОМУ ВОЛКУ?

Чиновник Кавказского наместничества Н. П. Карцев в марте 1862 года так писал князю Бярятинскому о жестокости и корыстолюбии Юсуф-хана Кюринского:

«Кюринский хан жестокостями своими, непростительным корыстолюбием и разного рода несправедливостями довёл народ почти до открытого восстания против себя. Начиная с 1860 года поступали на него к начальнику южного Дагестана и к самому князю Меликову беспрестанные частые жалобы. Наконец, в прошедшую осень народ открыто и единодушно отказался ему повиноваться, прибегая ещё к оружию. Кюринцы выбрали до 200 человек поверенных и отправили их в Шуру с жалобой, которая была выражена такими словами: «Государь так милостив, что бывшим врагам своим, которые служили Шамилю, дал суд и приставил начальников, которые берегут народ, как добрые пастухи стадо. За что же нас, никогда не враждовавших против русских, отдали вместо пастухов злому волку, который нас грабит?»

Озлобление народа против Юсуф-хана было так велико, что хан испугался и сложил с себя обязанности правителя ханства.

6. И НАИБЫ БЫЛИ НЕ ДОБРЕЙ ХАНОВ

Один из летописцев Шамиля — Абдурахман пишет о его наивах так:

«Андийский Лабазан, Магомед Амин Харахинский, Муса Балаханский — эти были для своего народа обнаженными саблями. Характером своим они были похожи на зверей. У них не было другого дела, как мстить людям и отбирать у них имущество. Они обманывали своего имама красноречивой ложью и действовали противо-

положно тому, что делал Шамиль. Из-за этих наивов сердца людей отвернулись от имама и люди были готовы погибнуть, считая, что смерть предпочтительнее, чем малочеленная жизнь под властью таких начальников».

7. ОСЕЛ ТОЖЕ ПОМОГАЕТ БОГАТЕЯМ

Говорят, что без обмана не было бы и богатства. В южном Дагестане рассказывают, как с помощью обмана и хитрости рутульские богатеи захватили богатства соседей.

В старину там, где река Лакун сливается с рекой Самур, было расположено большое село Кусер. Рутульские беки захватили земли соседних аулов и стали угрожать уже и Кусеру. Но кусерцев поддерживали бедняки Хрюка, Зрыха и Хлюта, и рутульцы не могли их победить.

Тогда рутульские богатеи пошли на хитрость в борьбе с кусерцами.

Они подкупили одну старуху в Кусере, и она целый год откармливала новорожденного осла дома, взаперти, так что он не видел белого света.

Потом старуха ночью погнала осла на другой берег Самура и выпустила на волю в поле, на котором было посеяно просо.

Осел, опьянённый свободой, принялся так скакать, что пыль была видна за горой. Хитрая старуха подняла в ауле переполох и стала кричать, что за рекой появился бешеный медведь.

Все мужчины Кусера побежали на мост на ту сторону реки Самура, а рутульцам только этого и нужно было.

Они ворвались в селение и разрушили его дотла.

8. КАК УРКАРАХЦЫ РАЗГОВАРИВАЛИ С УЦМИЕМ

Когда на даргинской земле появились арабы, кайтагский уцмий стал жить в Уркарахе. Уркарахцы были вольными людьми, но уцмий не считался с их волей, пас на сельских полях свой скот, издевался над сельчанами.

Уркарахцы собрались на площади и стали кричать, что они не рабы уцмийа, что они сумеют расправиться с ним.

Но как это сказать уцмию?

По совету одного из стариков люди сделали так. Они схватили быка, принадлежащего уцмию и закололи его на виду у уцмийа, перед его дворцом.

Уцмий испугался и послал спросить, что уркарахцы хотят сделать с мясом быка.

Тогда люди разрубили мясо быка на куски и бросили все собакам.

Перепуганный уцмий понял, что это означает, и удрал из Уркараха.

9. ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ ГИДАТЛИНЦЕВ

Между хунзахским ханом и гидатлинским вольным обществом всегда была вражда из-за земли. Хунзахский хан тайно подготовился к нападению и задумал до рассвета внезапно переправиться через речку к Гидатлю.

Один человек из Телетля был в гостях у хана и случайно узнал об этом плане хунзахцев. Он предупредил гидатлинцев об опасности, и они уничтожили переправу через речку и стали сторожить на другом берегу.

Хан два дня задержался у переправы и все-таки решил напасть на гидатлинцев — у него было больше войска.

Тогда предводитель гидатлинцев пошёл на хитрость. Он приказал всем женщинам и подросткам одеть мужские одежды и пойти с разных сторон к месту боя, всё время бросая вверх золу и пыль.

Хану показалось, что на помощь гидатлинцам движется огромное войско соседей, и он удрал в Хунзах.

Это предание записано в 1957 году в сел. Урадах со слов Ачило Ачилаева.

* * *

А вот легенда, записанная тогда же в Ураде у 85-летнего Гаджи Удурата.

Когда хунзахский хан воевал с гидатлинцами, в Хунзахе жила одна гидатлинская женщина Патимат.

В самый разгар боя, происходившего неподалёку от Хунзаха, богатая хунзахская старуха, с усмешкой сказала гидатлинке:

— Видно печь сильно раскалилась, если слышно, как трещит, лопаюсь, кукуруза.

(Это был намёк на превосходство силы хунзахцев).

Патимат ответила:

— Видно мельница работает хорошо, — если оттуда всё время тащут мешки.

(Это был намёк на то, что убитых и раненых хунзахцев несут с поля боя, без счёту).

* * *

Наконец, ещё одна легенда о гидатлинцах, записанная в ауле Мачада у старика Гарая Шамилова.

До того, как хунзахский хан стал таким сильным, он подчинялся Хучадинскому хану. Он обложил данью и Хунзах, и Гидатль и ввёл жестокие ханские законы. Народ выступал против хана, но не мог устоять против его войск. Чтобы навсегда закрепить свою власть над

Гидатлинцами, хан приказал лишить их ума — уничтожить всех гидатлинских стариков.

Только в Мачаде люди сумели спрятать одного старика и долгие годы ухаживали за ним. Его звали Шихмагомедом и ему было 76 лет.

Каждый день старик спрашивал гидатлинцев: «Что сегодня делает Хучадинский хан?» Люди отвечали: «Хан воеует со своими соседями».

Когда все соседи были покорены, хан перестал воевать и стал только по утрам выходить из своего дворца, висевшего над скалой, на балкон и гордо глядеть на покорённые им земли.

Старый Шихмагомед, как всегда, спросил:

— Что делает Хучадинский хан?

Люди ответили:

— Хан смотрит с балкона на побеждённых соседей.

Тогда старик сказал:

— Ночью, когда все в крепости хана уснут, подкрадитесь к ханскому дворцу и подпилите опоры балкона на который выходит хан.

Так и сделали. А утром, когда хан, как обычно, вышел на балкон и облокотился на перила, опоры сломались, и хан разбился насмерть.

Гидатлинцы и хунзахцы избавились таким образом от Хучадинского хана и решили разделить между гидатлинцами и хунзахским ханом казну и земли хучадинцев. Хунзахский хан прислал к гидатлинцам посла с вопросом: «Что вы будете брать: казну или землю?»

Гидатлинцы спросили старика Шихмагомеда, и тот посоветовал: «Берите казну, так как землю хан с собой не унесёт, — а там видно будет».

Вот с тех пор, говорят, и пошла между хунзахским ханом и гидатлинской общиной вражда из-за земли.

10. КАК КАРАТИНЦЫ ОБМАНУЛИ ХУНЗАХСКОГО ХАНА

В ауле Карата сохранилось много преданий о борьбе с хунзахскими ханами, которые часто нападали на каратинское общество. Предводителем каратинцев был Малле. Когда Малле узнал, что хунзахский Ибрагим-хан с большими отрядами приблизился к высокой горе, с которой как на ладони видна вся Карата вплоть до Анди, Цунты и Бурту, Малле послал гонцов по всем аулам с просьбой спешно послать отряды мужчин для битвы с Ибрагим-ханом; всех каратинских женщин Малле отправил на поля продолжать как ни в чем не бывало пахать, всех детей он послал играть на большом поле в мяч и не обращать никакого внимания на приближающегося Ибрагим-хана. Всех взрослых мужчин Малле разбил на небольшие отряды и один за другим отправил эти отряды по разным дорогам в сторону врага.

Ибрагим-хан испугался и сказал:

— Я не знал, что каратинское общество такое большое. Смотрите, сколько отрядов идут против нас. Смотрите, сколько женщин пахут свои поля. Смотрите, сколько детей играют как ни в чем не бывало в мяч и все-леятся. Им даже дела нет до нас.

Над горой, где стоял Ибрагим-хан были остатки когда-то сгоревшего аула Эшха. Люди Малле наполнили золой большие глиняные кувшины и сбросили их вниз. Повсюду поплыли огромные облака пыли. Ибрагим-хан подумал, что идут новые отряды и сказал:

— Их так много, что нам лучше иметь в их лице друзей, чем врагов.

Он предложил мир, и за каратинцами сохранилась гора и пастбище, название которого — Бахкул и сейчас начоминает о том, что произошло, потому что Бахараб Куби по-азарски означает: снятое место.

Х. ДАГЕСТАН И РОССИЯ

ДОКУМЕНТЫ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ

1. ОТЗЫВ ИНОСТРАНЦА

Немец — участник экспедиции Российской Академии наук в 1768—1774 гг. по обследованию Кавказа академик Гюльденштедт писал:

«Лезгины никакой нации не оказывают столько снисхождения, как россиянам».

2. ДРЕВНИЕ ИЗВЕСТИЯ О ДАГЕСТАНЦАХ И РУССАХ

В X веке много судов древних руссов плавало в Каспийском море. Руссы предпринимали походы и сушей, со стороны Северного Кавказа. Присоединив алан (осетины), они вышли в Дагестан. Когда руссы подошли к Дагестану, дагестанцы присоединились к ним и выступили в поход как их союзники. На судах все они достигли реки Куры, разгромили мусульманские войска Марзбана и овладели азербайджанским городом Барда.

* * *

В X веке в Дербенте было много русских торговых людей. Воины руссов составляли лучшую гвардию дер-

бентского эмира. Он использовал их в борьбе со своими противниками и фанатичным духовенством.

* * *

В 1175 году в битве близ Баку принял участие русский флот из 70 кораблей, находившихся на службе у эмира Дербентского.

3. ВМЕСТЕ—ПРОТИВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ-АРАБОВ

У восточного летописца Мухамед Рафи можно найти упоминание о совместном выступлении дагестанцев и русских против арабов, двинувшихся на Кавказ на слонах, верблюдах и быстрых лошадях. Вот это место:

«Когда обитатели Дагестана узнали об этом, то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками Русь, которые всегда поровну делили с ними добро и зло. Они с целью отразить мусульман и причинить им бедствие и вред, появились около города, называемого Чур (Дербент)».

Об этом же можно прочесть у А. Руновского:

«На одном из пунктов западного побережья Каспийского моря отряду абассидов, следовавшему по Кумыкской области на север, готовилась встреча с несметным множеством язычников, собравшихся сюда из разных стран света, в том числе и из России для недопущения правоверных распространять учение пророка».

Когда это увидели арабы, сознавая неизбежность своего поражения, собрались на совет. На совете было решено изготовив в большом количестве различные яства и отравив их ядом растений, отдать на разграбление варварам, сделав вид, что войско пророка предалось бегству.

На другой день совет был приведен в исполнение, и

дагестанцы и руссы, заметив в неприятельском стане движение, не усомнились принять его за приготовление к бегству. Поэтому, желая воспользоваться паническим страхом неприятеля, они поспешили сделать на лагерь нападение, но не найдя в нём никого, остановились перед покинутой врагом добычею и тотчас же устремились на неё с обычной им алчностью. Отравы не замедлила произвести действие, и в тот же день язычники умерли все до одного человека».

4. КТО ИМЕЛ ПРАВО НА АВАРСКИЙ ТРОН?

В Дагестане есть предания о том, что аварцы — это пришельцы с севера, из племени руссов и что потомками руссов были князья из рода Сураката, властвовавшего над Аварией вплоть до смерти Ума-хана аварского.

Секретарь Шамиля Гаджи-Али пишет: «На троне аварском не восседал никто, кроме ханов из рода Урана, до его пресечения в мужском и женском колене, как это известно и подтверждается сохранившимися рукописями и преданиями. Если бы прекратился род аварских ханов, то на престол должен был быть избран хан из русских, грузин или армян, что не могло случиться в других ханствах Дагестана».

5. РУССКИЙ КРЕПОСТНОЙ — О ГОРЦАХ ДАГЕСТАНА

В журнале «Русская старина» за июнь 1881 года напечатаны воспоминания бывшего крепостного крестьянина Н. Н. Шипова под названием «История моей жизни». Николай Шипов, преследуемый помещиком и управителем имения, будучи крепостным крестьянином, бежал от крепостного гнета и долго скитался с женой и детьми и

в пределах России и за границей. Преследования помещика, который ни за какие деньги не желал отпустить его на волю, привели Шипова в Дагестан, где он стал заниматься промыслом маркитанта, живя в крепости Внезапной.

Вот как описывает он места, в которых ему удалось побывать:

«Теперь скажу несколько слов об этой Незапной крепости и об Андреевском ауле, так как здесь совершилось одно из самых важных событий моей жизни.

Крепость стоит близ леса, на правой гористой стороне быстрой, каменной речки Акташа. В крепости находятся казармы, церковь и дома каменные; кругом их крепостной вал, на котором четыре бастиона с большими орудиями. Этот вал соединяется с форштатом, где живут в собственных домах женатые казаки. Здесь находится дом полкового священника, разные казармы, маркитантский двор и две обахты или заставы, из коих одна на реку Акташ, по дороге к укреплению Кастычам, а другая в Андреевский аул, отстоящий от форштата не более версты. За дровами ездят из Незапной всегда с конвоем, это называется «оказней». Скот пасут за рекой Акташем тоже под конвоем, так как не редко случалось, что черкесы нападали на скот.

Андреевский аул — татарский, большой; в нём было более 5000 жителей. Улицы в ауле очень узкие, грязные и бестолково построенные, так что в них легко заблудиться. Дома или сакли деревянные, без заборов; крыши плоские, земляные; на них родится крупный красный лук, который на вкус сладковатый. Печей в саклях нет; только из стен проведена труба, под которой разводят огонь и готовят кушанья. Виноградное вино татары пьют кипяченое или молодое; хлебную водку любят. Лошадей держат хороших, в поле работают с осторожностью и недалеко от своего аула, по которому ходят

всегда вооружёнными прекрасными кинжалами. Андреевский аул всегда славился этим оружием. Базар в ауле бывал по пятницам. Народу сходилось множество Торговлей занимались татары, евреи, а частью моздокские и кизлярские армяне. Говорить по-чумыкски я научился скоро, так как этот язык сроден киргизскому. В Андреевском ауле мне приходилось бывать часто, и я хорошо познакомился тут с некоторыми татарами; они звали меня Мекелей...

По пятницам я бывал в ауле непременно. Ходить приходилось большей частью одному, иногда довольно поздно. Некоторые татары предупреждали меня, чтобы я спасался ходить ночью. На такие предостережения я мало обращал внимания: я боялся только смерти; плена же у горцев хоть и страшился, но в душе желал его».

Перебивая рассказ Шипова, следует сказать, что действительно, попасть в плен к горцам и затем бежать оттуда — было для крепостного человека единственным шансом освободиться от крепостной зависимости. По существовавшему тогда законам, русский пленник, бежавший от горцев, механически получал вольную.

Нужно сказать, что в результате умышленной неосторожности Шипова его тайное желание исполнилось. Он попал в плен и, к его счастью, пробыл в плену недолго. Он красочно и правдиво описывает дни пленения.

Шипов рассказывает, что один горец довёл свое дружелюбие к пленнику до того, что предложил ему в жёны свою дочь и убеждал его остаться в горах навсегда.

«Я ему отвечал, — пишет Шипов, — как умел, что у меня есть жена и дети и закон не позволяет жениться при живой жене. Тавлиннец покачал головой, вздохнул и задумался. Потом он стал обдѣлывать ложку, которую я похвалил. Он ушёл от меня, не сказав более ни слова».

Шипову посчастливилось встретить в ауле беглого солдата кабардинского полка, татарина.

«Я из полка бежал уже года три. Живу здесь в ауле, — сказал он. — В солдаты я пошёл за братьев, потому у них дети. Пригнали на Кавказ. Но как я привык дышать свободой, то не хотел служить, ушёл сюда и живу ладно...»

Этот человек, только в горах обретший волю, почувствовал Шипову и помог ему бежать. Прибыв во Внезапную, Шипов, наконец, добился своего освобождения от крепостного права и покинул давший ему свободу Кавказ.

6. БЕГЛЫЕ РУССКИЕ СОЛДАТЫ — У ШАМИЛЯ

Абдурахман, сын Джамалутдина, зять Шамиля, известен в Дагестане своими воспоминаниями о Шамиле. Воспоминания написаны по-арабски. В них рассказывается и о судьбе русских пленных солдат, попавших в горы. Абдурахман признаёт, что с ними обращались плохо и многие из пленных погибли. Только немногим счастливым удавалось бежать.

Но совсем в другом положении были пленные русские мастера, которые попадали на государственные работы в имамате Шамиля. Вот как об этом пишет Абдурахман:

«После того, как Шамиль вместе со своими сподвижниками-мухаджирами переселился в Новое Дарго, вслед за разрушением князем Воронцовым старого Дарго в 1844 году, к нему собралось около трёхсот солдат: одни бежали сюда с разных мест, другие взяты в плен. Среди них были хорошие часовщики, кузнецы, плотники. Шамиль приказал поставленному над ними своему мюриду Али-Мамату — толстому и чёрному человеку — построить особое село возле Дарго, водворить солдат там, кормить и одевать их из имамской казны, взяв что нужно у казначейства, и устроить их в спокойствии, как им желательно. Шамиль ещё добавил: «Мы не можем обой-

тись без этих солдат; они нам нужны при орудиях во время сражений, нужны для починки сломавшихся частей орудий».

Али-Мамат построил для солдат особое селение и водворил их там, как ему было приказано. Он дал им всё нужное, дал землю для посева; капусты, кукурузы, лука и т. п. Солдаты стали там жить в спокойствии, довольные судьбой от бога и решением Шамиля.

Они жили там привольно, не имея никаких стеснений. По углам помещений они имели кресты; во время молитв они обращались в сторону их. У них были всякие опьяняющие напитки из винограда, проса и иного зерна. Они ели и пили, выходили на прогулки, особенно в их большие праздники. Никто из наших им не препятствовал ни в чём, так как Шамиль приказал Али-Мамату не допускать никого из мюридов для нанесения солдатам обиды словом или делом. Они имели музыкальные инструменты, военные трубы, тамбуры, принесённые из русской земли. Были и женщины, взятые в плен или перебежавшие сами. Солдаты, узнав человеколюбие Шамиля, стали служить ему искренне. Они выступали с орудиями вместе с Шамилем на войну, чинили орудия, когда ломались какие-либо части, пали коней орудийных, подковывали их, седлали, готовили на зиму сено.

Среди солдат был один, который принял мусульманство и имел имя Гасан. Когда на русской стороне появились ракеты, Гасан изготовил их для имама. Ракеты пускались на русских, а затем это прекратили. Если кто из солдат выявлял храбрость, имам награждал его серебряным знаком храбрых, как и других мусульман. Награждённый прицеплял знак к своему плечу...

Кроме сказанного здесь, от солдат имели пользу и мюриды. Например, если кто-либо из мюридов нуждался в удилах коня, посуде для масла или стройке дома, он обращался к солдатскому командованию с прось-

бой предоставить ему за плату мастера. Плату получали солдаты в свою пользу.

Что же касается домов имама самого, или его сыновей, солдаты строили их бесплатно. Это потому, что имам был господин и кормилец. Зимой, когда крыши дома имама заваливались снегом, солдаты выходили с лопатами и сбрасывали снег. Пища их состояла из пшеницы и кукурузы, купленной в Чечне на имамские средства.

Что же касается одежды, то казначею Хиджияу выдавал им из казны имама одежду на один год или мануфактурой или деньгами на её приобретение.

Ввиду всего перечисленного, солдаты в разговоре между собой об имаме говорили: «Наш царь Шамиль». Они его очень любили».

* * *

В «Актах Кавказской археографической комиссии» в томе XII напечатан «Дневник пристава А. Руновского», который был приставлен к Шамилю после его пленения.

Он пишет, в частности, о драгуне Нижегородского полка Родинцеве, который осенью 1850 года перешёл на сторону Шамиля, поселился в ауле Дылым, женился на горянке и сделался преданным шамилёвским джигитом. Шамиль наградил его орденом «За храбрость»...

Когда Шамиль жил в Калуге, к нему часто приходили бывшие беглые русские солдаты. Пристав Руновский пишет, что один из этих бывших пленников как только увидел Шамиля, бросился к нему, схватил его руку и поцеловал. Пристав потом стал допытываться у солдата:

«— Скажи, пожалуйста, зачем ты поцеловал у Шамиля руку? Ведь уже он не хозяин твой. В горах, может

быть, вас и принуждали к тому, ну, а здесь для чего ты это сделал?

— Нет, ваше благородие, — отвечал бывший пленник, — нас не принуждали целовать у «Шмеля» руку, а я это сделал так, по душе.

— Как же по душе?

— Да, так, ваше благородие, что человек-то он стоящий: только тем пленным и бывало хорошо, где Шамиль жил, или где проезжал он. Забивать нас не приказывал нашим хозяевам, а чуть, бывало, дойдёт до него жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмёт к себе, да ещё, как ни на есть, и накажет обидчика. Я сам видел сколько раз.

— Так он хорош был для вас, пленных?

— Хорош, ваше благородие, одно слово — душа! И дарма, что в Христа он не верует, иначе стоящий человек».

7. РУССКИЕ ЛЮДИ — О ДАГЕСТАНЦАХ

О сочувственном отношении к горцам Кавказа передовых русских писателей, о внимании к их судьбе Тараса Шевченко, о понимании их условий русскими революционными демократами известно хорошо и об этом много писалось, но вот строки из статьи военного человека прошлого века (следует учесть, что лезгинцами тогда называли всех дагестанцев):

«Лезгин серьёзен, положителен, постоянно занят возможно лучшим устройством своего быта; во всех своих делах лезгин как будто бы сознаёт, что он должен трудиться не только для себя, но и для своего потомства. Взгляните на дома лезгин, на их сады: везде видно, что они заботятся о том, чтобы всё было и точно и долговечно. Эта поразительная черта их характера как-то не ладится с известною их воинственностью и с

рассказом о постоянных их набегах на Закавказье. Из всех рассказов обыкновенно выводят то заключение, что лезгины дикий народ, хищнически живущий разбоем и грабежом. Но подобный вывод нам кажется несколько преувеличенным. Лезгины воинственны, это правда, что и вполне понятно, вследствие сурового характера природы их родины; но о них нельзя сказать, чтобы они были войнолюбивы. Войнолюбивый и хищнический народ не станет так заботиться об устройстве своего благосостояния, как это делают лезгины.

Вообще лезгины имеют много сходства с швейцарцами и тирольцами средних веков, которые всегда были воинственны, потому что закаливались в борьбе с окружающею их природою, занимались подобно лезгинам на службу в войсках иностранных держав, потому что находили на родине недостаток в средствах продовольствия, но вовсе не отличались хищничеством и завоевательскими стремлениями».

Эти строки я прочёл у Н. Глиноецкого в статье «Поездка в Дагестан (Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году)». Напечатана статья в «Военном сборнике», т. XXIII, за 1862 г.

XI. ГОРСКИЙ БЫТ В ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ

**НЕКОТОРЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. ЖИЛИЩЕ,
ОДЕЖДА, ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА**

1. ВОТ ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ СТРЕЙС

В 17-м веке был такой голландский корабельный мастер — Ян Янсен Стрейс. Ему довелось объездить чуть ли не весь свет. В 1668 году он поступил на службу к московскому царю, полупутешествовал по России и во время восстания Степана Разина попал в плен в Дагестан.

Для европейца многое в России казалось непонятным и диким.

Вот что пишет Стрейс о жизни и быте дагестанцев в своей книге «Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия»...

«У дагестанцев крепкое сложение, жёлто-чёрная кожа и отвратительная наружность. Одежда их вполне схожа с черкесской. Шапки у них из чёрного сукна. Их обувь из лошадиной или овечьей шкуры вырезывается одним куском, но зашивается на ноге. Их оружие: стрелы и лук, сабля и копьё; а у некоторых имеются ружья. Когда они выезжают или отправляются в поход, надевают броню и шлем. Они большие людокрады, ббльшие, чем остальные, — похищают детей у своих родственников и друзей и продают их за небольшие деньги туркам

или персам. Они не подчиняются ни русским, ни персам, ни другим нациям и сохраняют независимость на своих неприступных горах. Они магометане, но в их богослужении очень мало смысла. Женщины стерегут и пасут скот, а мужчины занимаются разбоем».

2. А ЭТО — АВТОРЫ XIX ВЕКА

«Женщины Анцуха и Копачи, — писал в своём дневнике путешественник по Кахетии и Дагестану К. Ган, — носили своеобразный костюм. Они носили широкое суконное платье вроде монашеской рясы и опоясывались широким поясом из того же материала. Платком они покрывали себе голову: на лбу красовались блестящие монеты, висящие на шнурке; такие же монеты блестели на груди. Серьги, сделанные из серебряной проволоки, имели в диаметре 3—4 дюйма. Обувь у них вязаная из шерсти на широких войлочных подошвах».

Другой путешественник в горах Дагестана П. Ф. Свидерский заметил, что кубачинки ходили без покрывал и носили множество драгоценных украшений. Шаровары их были обшиты внизу благородными камнями и жемчугами.

3. ВОТ КАК ЖИЛИ В КАРАТЕ

Учитель А. Дангаев много расспрашивал стариков об аульской жизни в далёком прошлом. В ауле Карата, говорит он, еще лет 80—90 назад мужчины одевались в большие тоги — рубашки из овечьих шкур, спускавшиеся ниже колен. Никакого белья, никаких одежд из ткани не было. Не было и брюк. На голову одевали мохнатую, остроконечную папаху. На ногах деревянные башмаки без задников. Женщины и девушки одевались

и домотканную суконную одежду — длинную и широкую.

Жили каратинцы когда-то, говорят, в больших, построенных из огромных каменных глыб, домах. Посередине было углубление, предназначенное для разжигания огня, вокруг — каменные ступеньки для сидения. В крыше, посередине, была дыра — дымоход.

Постели не было, Женщины, девочки и старики спали на сене, покрывались шкурами. Мужчины дома не ночевали. Они спали в больших сараях, где хранилось сено, а летом — прямо в годекане, на каменных плитах (зимой в больших шубах). Дома ночевать мужчине считалось зазорным.

4. ЧЕМ БЛИЖЕ К ЗЕМЛЕ — ТЕМ ЛУЧШЕ

Ражикан Шуаибов из аула Тадмагитль рассказывает. Раньше люди не строили хороших домов. Жили в маленькой сакле, считали, что земля священна и чем ближе к ней, тем лучше. Целая семья жила в одной комнате. На одной постели спали мать и дети, а на другой — муж.

Постель у нас была своеобразная. Она была сделана из веток и листьев дерева. Сверху настилали грубый палас.

Потолки в саклях были низкие, пол земляной. В центре комнаты столб. Окон не было. Ни стола, ни стульев тоже не было. Для освещения пользовались корой берёзы. Топливо — хворост и кизяк.

В этом же ауле Абдурахман Магомедов рассказывает. Одежда была очень грубая. Когда выдавали невесту замуж, ей давали верхнее платье из груботкацкого матерьяла — почти паласа. Брюки мужчин были из овечьей шкуры. На женщине и мужчине всё остальное было из бязи.

5. ВСЮДУ БЫЛА БЕДНОСТЬ, НИЩЕТА

Я спросил, как одевались сутбухцы в старину. Столетняя старуха Айшат Ибрагимова сказала: «У нас из колен и шеи постоянно сочилась кровь, — так натирала тело грубая одежда. Мы не знали, что такое нижнее бельё. Дети, даже взрослые, ходили в дырявых штанах и платьях, через которое всё было видно. Если нужно было ехать в соседнее село или на базар, мы по очереди одевали общую одежду».

6. ОДЕЖДА ЧОХСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Абдурахман, мемуарист Шамля, пишет: «Волосы чохской женщины закрыты особым головным убором на пате с длинным висящим концом. Сверху голову покрывали платком четырёхугольной формы. Платок не завязывался. В праздничные дни одевали сапоги из красного сафьяна с длинными голенищами. На сапогах железные подковы, прибитые длинными гвоздями», У женщины Согратля одежда такая же, как и у женщин Чоха.

7. ГОРСКАЯ МЕБЕЛЬ И ДОМ БОГАТОГО КУБАЧИНЦА

В сакле простого горца не существовало особой мебели, если не считать самодельных низеньких табуреток треугольной формы и сундука для засыпки зерна. Для украшения стен применялись медные кувшины, гончарные тарелки, большие тазы и разная мелкая посуда.

Особенно много настенных украшений из посуды — в жилищах кубачинцев. Вдоль стены у них обычно прибивают полки с литой и кованой медной посудой.

Напротив — ряды гравированных и луженых блюд и гончарных изделий, и ещё в одной стене — очаг каминного типа.

Камни очага украшены резьбой, и рядом цепь и когёл для пищи.

У потолка — резная решётка с сушеной бараниной.

Один из путешественников второй половины XIX века рассказывает о богатых кубачинцах, как о настоящих антикварах. Он пишет:

«Я видел, что стены в комнатах были сплошь убраны старинными вещами из китайского фарфора, меди и проч. Множество блюд, оружия, панцирей, даже старинных шёлковых среднеазиатских халатов, развешаны по стенам. На полках правильными рядами стоят старинные кувшины и другие предметы древности. По словам хозяина, многие кубачинцы торгуют старинными вещами. Они разъезжают по всему Востоку — по Персии, Турции и даже Индии, где покупают разные старинные предметы».

8. ТУХУМ И СЕМЬЯ

В результате изучения устных традиций горцев и расспросов стариков можно набросать общий очерк семейного быта горцев в дореволюционном Дагестане.

Тухум. — В древнем Дагестане люди жили большими семейными общинами. Число людей в таких общинах доходило до пятидесяти и более. В литературе о Дагестане такую общину называют обычно тухумом.

В тухуме родство считалось по крови. Все люди, вскормленные одним молоком и происходившие от одного общего предка, жили под одной крышей. Глава тухума имел неограниченную власть над его членами. В таком общественном коллективе действовало правило — все за одного и один за всех.

В тухуме все трудилось сообща и сообща потребляли продукты своего труда. Землёй, принадлежащей тухуму, никто не имел права распоряжаться самолично. Глава тухума (обыкновенно старший из мужчин по возрасту) являлся стражем и хранителем имущества и собственности общины и её традицией. Для чего считалось чеством сохранить наследованные от предков земли в неприкосновенности.

Глава тухума нес полную ответственность перед сельским обществом. Авторитет его был непрерываем. Он представлял из себя патриарха, к нему обращались во всех случаях жизни и решение его было беспелляющим.

Браки в горах совершались в пределах родственных границ тухума. В результате роста численности тухума эта большая семейная община стала постепенно распадаться на группы малых семей. Но даже после распада тухума на малые семьи ещё долгое время общими оставались некоторые пахотные и пастбищные земли. Это было неделимое наследство всех членов тухума, и это удерживало от окончательного распада.

Для решения дел, касающихся всего тухума, представители малых семей собирались на совет тухума. Но семья жила замкнуто, при сильном бытовом ограничении общественной активности женщин и детей. Такие семьи тоже во многих случаях продолжали носить прежнее наименование тухума.

Власть отца в семье. — Отец в горской семье обладал неограниченной властью. Он распоряжался устройством домашней жизни детей, устанавливал порядки и нормы поведения членов семьи дома и вне дома, налагал запреты и снимал их, выдавал дочерей замуж и женил сыновей.

В руках отца находилась вся движимая и недвижимая собственность семьи. Только он распоряжался ею.

Единственное, чем он не распоряжался, это — приданое жены.

Детям ничего не принадлежало, кроме того, что даст и выделит отец при вступлении в брак или в других случаях отделения от общего домашнего очага.

Совершение брака в Дагестане происходило по трём этапам брачных обрядов. Сначала стоваривались перед очагом отца невесты, затем переговоры переносились к очагу родителей жениха и, наконец, совершение брака завершалось переходом невесты в дом жениха.

Приданое невесты состояло из недвижимого имущества (отрезок земли) и рогатого скота, даваемого родителями при выдаче её замуж. Размер приданого зависит от состояния родителей. Никакого калыма за невесту в Дагестане в прошлом не взимали. Калым — это явление классового общества. Имущество, принесённое в качестве приданого, находилось в распоряжении жены. В некоторых аварских аулах калыма не было, но когда девушка выходила замуж, ей несли подарки все члены тухума.

В воспитании детей в горской семье не было особой системы. Новорождённого не кутали, купали в холодной речной или родниковой воде, укладывали спать в неотапливаемом помещении. Постели располагались на полу по большей части в следующем порядке: около очага ложится муж с женой, немного подальше укладывали на одну постель всех младших детей, сколько бы их ни было. Ещё дальше в глубине комнаты ложились старшие дети.

Ночью покрывались влосатыми паласами. Зимой под ними тепло, а летом в них полно блох.

В роли воспитателей малолетних детей в горской семье, как правило, выступали бабушка или дедушка. Рассказывают, что перед тем, как чамалалская горская женщина отправлялась в поле, сна привязывала к

колыбели коровий или воловий рог с прикрепленной на нем соской овцы. Рог она заповняла овечьим или коровьим молоком и оставляла ребенка на весь день с бабушкой или дедушкой.

В ауле дети ходили босые, с обгажённой головой и в рваной одежде или в обносках. После семи лет никакого обучения, если не считать посещения мечети для чтения корана. Только дети, которые хотели стать мечетскими служителями, шли в медресе и в мутаалимы.

С десяти лет горские дети всё свободное время отдавали борьбе, прыжкам, метанию камней, бегу, случайной езде на лошади и лазанию по горам.

Каждая горская семья стремилась растить своих детей по адатам. Адат учил, что молодёжь должна быть почтительна к старшим. В их присутствии молодые не имели права сидеть. Адаты осуждали слабость и трусость.

Совершеннолетним юноша считался тогда, когда ему исполнилось 25 лет. Жениться молодому человеку по горскому этикету можно было лишь в том случае, если он в состоянии был содержать не только себя, но и всю семью, и на это имелось разрешение родителей.

ХИ. КОЕ-ЧТО ИЗ ГОРСКИХ АДАТОВ

КРОВНАЯ МЕСТЬ. АУЛЬСКИЕ ШТРАФЫ. ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

1. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВЕНДЕТТЫ

В западноевропейской литературе можно найти много новелл и рассказов, посвящённых корсиканской вендетте — родовому обычаю кровной мести. В горах Дагестана историй о вендетте наберётся на целые романы. Обычай кровной мести у дагестанцев гласил: биться до тех пор, пока есть пуля в ружье, княжал на поясе и кровь в жилах. Адат учил, что родственник пострадавшего или убитого должен обратиться свою месть не только на убийцу, но и на его родственников. Мститель и его родственники в свою очередь метили мстящим, и побойще принимало грандиозные размеры, вражда становилась нескончаемой...

Пример такой многолетней кровной мести приводит в своей работе «Адаты и судопроизводство по ним» А. В. Комаров. Она опубликована сто лет назад в первом выпуске вышедших в Тифлисе «Сборников сведений о горцах Кавказа».

Триста лет назад, рассказывает Комаров, один из жителей аула Кадар стащил у своего соседа курицу и заплатился за неё бараном. Находя, что Юсуф — так звали соседа — взял слишком большой процент, кадарец

Омар решил уравнять счет и украл в ответ двух баранов. В свою очередь и Юсуф счёл нужным соблюсти справедливость и отбить у Омара корову, которая затем сбошлась ему в пару добрых быков. Потеряв это олицетворение богатства горских народов, Юсуф полкараулил омаровского жеребца, а хозяин его, не найдя равного вознаграждения этой потере, убил соседа и, спасаясь от мести, удрал из родного аула.

Родичи Юсуфа, руководствуясь местным адатом, разрушили прежде всего дом Омара, затем убили первого попавшегося родственника Омара.

В свою очередь родственники убитого расправились с родственником Юсуфа.

В ответ погибли два родственника Омара.

Кровная вражда обострялась и кандалы затянулись на целые триста лет.

Триста лет кровь людей лилась из-за одной давно позабытой курицы!

2. ЖИВЫХ В АУЛЕ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ЧЕТВЕРО

В Андии есть небольшой хутор Цибильда. По преданию, лет полтораста тому назад, на этом месте было довольно большое и богатое селение, жители которого делились на два тухума.

Однажды в праздник Курбян-байрама молодёжь Цибильды вышла для состязания в стрельбе в цель. После нескольких выстрелов завязался спор, перешедший в драку. В драке случайно был убит один из юношей. Родственники его сейчас же бросились на убийцу и завязалась общая свалка двух туумов.

Когда весть о свалке дошла до селения, взялись за оружие старики и женщины, и началось поголовное побойще.

Резня продолжалась несколько дней, и из всего селения остались в живых только четыре человека.

3. ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ОТЧЕТА

Начальник Дагестанской области и командующий войскамч генерал Л. Меликов писал в своём первом отчете в 1863 году о кровомщении и убийстве в Дагестане:

«Грубость понятия о правах семейства до того ещё велика в Дагестане, что убийством жены, дочери, сестры и даже матери, при уличении их в прелюбодеянии, а нередко и по одному подозрению в нём, никому не ставится народом в вину: убийцы совершают своё дело в полном убеждении в правоте своей и остаются со спокойной совестью.

Ещё сильнее и заветнее здесь понятие о кровомщении: сколько бы лет ни прошло со времени убийства члена какой-либо семьи, каждый из родственников убитого считает священным долгом отомстить убийством же самому убийце или ближайшему его родственнику; а как только представится к тому удобный случай, сторуна, считающая себя обиженной, тотчас же пользуется им с ожесточением, которое было бы понятно нам только в человеке, убивающем в момент нанесенного ему лично тяжкого оскорбления...».

4. КРОВНИК СПАС КРОВНИКА

В ауле Мекеги существовал обычай, который не позволял, чтобы кровника убивал какой-либо другой человек, кроме кровника.

Был такой случай. Кровник увидел, что его кровнику угрожает опасность — на него напал кто-то чужой.

Кровник пришёл на помощь и предотвратил убийство. Так он спас своего кровного врага, смерти которого он желал больше всего на свете.

Иначе поступить он не мог: если бы кровник был убит, кровь осталась бы неотомщённой.

* * *

Интересно, что у даргинцев аул Мекеги был местом, в которое со всех концов стекались кровники, изгоняемые из своих обществ. Над ними в этом ауле никто не мог чинить расправу и месть.

Они находились под покровительством всего джамаата.

5. ГОРСКИЙ ЭТИКЕТ

В горах Дагестана за долгие века утверждения обычаев выработались своеобразные правила хорошего тона. Они были основаны на особо оберегаемом чувстве собственного достоинства и не терпели ни малейших отступлений от установленного этикета. Горцы считали лучше погибнуть от собственной руки, чем краснеть перед знакомыми.

Вот некоторые из правил горского этикета.

Нет такого аула в Дагестане, в котором соседи не пришли бы приветствовать горца, когда он возвращался из дальней поездки. Каждый, кто приходил в дом, говорил «салам» и по приглашению хозяев садился. Сначала принято было задать несколько вопросов присутствующим, а потом уступить место другому и перейти к тихой беседе с ближайшим соседом. Так одни приходили, другие уходили. Каждый при выходе из комнаты на прощание говорил: «Куда бы ни поехал, а возвратишься ты целым и здоровым».

Если прощается женщина, то к этому добавляется: «Да исполнятся желания твоей души».

По обычаю горцев, если ты приехал в аул, нужно вместе с двумя—тремя ближайшими родственниками посетить все дома, в которых во время твоего отсутствия случилась смерть, болезнь или какое-нибудь другое несчастье.

Расставаясь с тем, кого он посетил, горец должен был произнести: «Да сохранитесь вы в здравии и благополучии».

Пока горец не сделает этого визита, ни потерпевший несчастье, ни его ближайшие родственники не посетят его и будут считать себя оскорблёнными.

* * *

У кумухцев и кулушатцев при обращении младшего к старшему принято говорить при встрече мужчин: «Здравствуйте, брат отца!», а при встрече женщин: «Здравствуйте, сестра матери!» Так, говорят, даже если не имеют никакого родства с тем, к кому обращаются.

Если встречается старуха, к ней обращаются со словами: «Доброе утро, мамаша!» К женщине средних лет принято обращаться со словами: «Доброе утро, сестра».

Пожилый мужчина обращается к молодому человеку со словами: «Здравствуй, сын брата!» (или племянник).

6. ЧТО СЧИТАЛОСЬ КРАСИВЫМ В ЮНОШЕ?

При виде молодого человека с красивым лицом, красивой фигурой и в хорошей одежде горские девушки говорили: «От этого молодого человека нет пользы: у него не разодраны полы чухи от езды на коне, в ней не образовалась дыра от тяжести сабли, не протерлась чуха и от пистолета за поясом».

7. ЗАМЕТКИ ОБ АДАТАХ РАЗНЫХ АУЛОВ

В ауле Лануб существовал обычай. Если кто-либо тронул женщину рукой, и она пришла к людям с жалобой (а он не признаётся), то он должен выставить для присяги пятнадцать человек. Если эти люди откажутся от присяги, то он считается её врагом.

* * *

В ауле Хотода был такой обычай. Если хотодинец убил или ранил кого-либо из другого аула, споря за честь своего аула, штраф за убийство и возмещение за ранение общество брало на себя и помогало ревнителю чести аула в пахоте, уборке и других работах.

Урадинский обычай. В число жителей Урады нельзя включать никого, кто придёт со стороны. На чужака не должно распространяться ни добро, ни зло аула. Если кто приведёт чужого человека в селение для житья, с него как штраф брали корову.

* * *

Обычай аула Асаб. Если кто клеветает на жителей аула или покинул аул, чтобы повредить аулу, с него взыскивается возмездие погубленной им души и имущества.

* * *

Адат аула Тидиб. Если один ранит другого и раненый сляжет в постель, то ранивший не должен выходить из своего дома до тех пор, пока пострадавший не выздоровеет. Если это будет нарушено, то за каждый день, в который виновник выходил из дома, с него брались штраф.

У аварцев существовал пережиток родового суббота — «гзай». Это своеобразная трудовая помощь, оказываемая члену тухума или односельчанину. Помощь оказывалась при обработке земли, уборке урожая, строительстве или ремонте дома и в других случаях. Общая работа сопровождалась песнями, танцами и прибаутками.

Работе сопутствовала шутка. У карацев принято было, когда кончат носить навоз на поле в порядке «гвая», подвязывают ослу его длинные уши и подводят ослу к хозяину поля. Это значило. «Ну теперь, хозяин, подавай угощение!»

1. ЕСЛИ ТЫ ПРИЕХАЛ В ЧУЖОМ АУЛ...

Известный кавказский историк начала XIX века П. Бутков о дагестанцах писал следующее: «В домашнем быту кротки, гостеприимны, верны дружбе до великодушия; целомудренны, почтительны к старости, умеренны в пище, трезвы; правила гостеприимства соблюдают даже против своих неприятелей».

По издавна сложившимся обычаям каждый горец считал за честь достойно принять кунака. Гостя принимали в любое время дня и ночи. У багуляльцев существовал даже обычай: когда садлись обедать или ужинать, всё делили поровну между членами семьи и отделяли порцию на случай, если явится гость.

Если горец впервые появлялся в незнакомом ауле, он отправлялся на годекан (а там до глубокой ночи сидели люди), обращался к сидящим с приветствием и затем сообщал, кто он, из какого аула и почему вынужден остановиться в этом ауле. Как только становилось известным, что приезжий не имеет в ауле кунака, сидящие на годекане говорили: «Ты наш гость». Когда на гостя притязало несколько человек, предпочтение принять его уступалось старшему.

В западной Аварии путник не шел к годекану, а заходил в любой дом и говорил: «Давайте будем братьями». Такой гость считался ещё более почётным.

Гость ни в чем не должен нуждаться — таков неписанный обычай горцев. Учитывая, что путешественник в пути мог намочнуть или промёрзнуть, во многих горских домах держали шубы, предназначенные только для гостей.

Этот обычай распространён и сейчас.

Приезжий мог гостить столько времени, сколько ему нужно было. У багуляльцев существовал обычай в течение трёх дней не спрашивать у приезжего ни о чем. По истечении трёх дней с ним вели разговор, как с равным, как с членом семьи.

Когда гость отправлялся в дальнейший путь, хозяин провожал его за ворота или даже за аул.

2. ПРИШЕЛЕЦ — ПОД ЗАЩИТОЙ ВСЕГО ДЖАМААТА

В горах с исключительным уважением относились к гостям, особенно к чужестранцам. Их не давали в обиду. Позором считалось, если бы кто-либо оскорбил гостя — хозяин в таких случаях должен был отомстить оскорбителю.

Если даже требования приезжего гостя были несправедливыми, обычай всё равно предписывал удовлетворить их. В ауле Мекеги мне рассказывали такой случай. Однажды мекегинец продал какому-то проезжему кунаку коня. Когда купивший приехал домой, ему показалось, что его обманули. Он вернулся в Мекеги и потребовал вернуть половину денег. Мекегиныцы видели, что он не прав, но всё же выступили на стороне пришельца и сказали, что надо удовлетворить все его притязания.

3. ОДИН ОБЫЧАЙ УБИТ ДРУГИМ ОБЫЧАЕМ

Вот история, которую мне рассказал преподаватель Дагестанского университета Садыки.

В Касумкентском районе в ауле Непик в первой половине XIX века жил лекарь по имени Шахбаз. Его любили в ауле. Но вот случайно некто Кихляр в ссоре убил младшего брата Шахбаза — Талиба. Должна была начаться обычная кровная вражда между двумя тухумами. Тем временем в горах пошёл один из частых тогда моров. Болезнь косила людей без разбору, — даже поля было некому убирать. Начался голод. Особенно тяжело пришлось Кихляру. Больные дети требовали хлеба, и Кихляр не знал, что делать. В отчаянии, чтобы спасти детей, он решил воспользоваться законом горского гостеприимства.

Кихляр пошёл в дом брата убитого им человека и, войдя, как положено, приветствовал Шахбаза. Лекарь, поражённый неожиданным появлением кровника, вначале растерялся и спросил: «Чего ты пришёл?» На это последовал ответ: «Пришёл в гости к тебе». Шахбаз уже оправился от неожиданности и, помня обычай гор, сказал: «Раз пришел в гости, тогда располагайся как у себя дома. Мой дом — твой дом».

Шахбаз узнал о бедственном положении детей своего кровника и решил помочь им. Чтобы в ауле не было лишних разговоров о происшедшем, он послал к Кихляру своего сына ночью и нагрузил его пищей для больных детей Кихляра.

Так обычай гостеприимства помог в самом начале пресечь кровную месть.

XIV. «ДОМ МУЖА — РАСКАЛЕННАЯ ЖАРОВНЯ»

О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ
ДАГЕСТАНЕ

1. ПРИЗНАНИЕ ГОРСКОГО ФЕОДАЛА

Лакская поговорка, отражая бесправное положение женщины в старинной горской семье, говорит: «Дом мужа — раскалённая жаровня». Даже сами феодалы признают это. Описывая аул Цалкита, Абдурахман пишет:

«На женщинах не бывает сносной одежды, они ходят в старых лохмотьях. Полной одежды они не в состоянии одевать, — например, если головной платок бывает хороший, рубаха и шарвары бывают плохие, с ободранными краями, ветхие.

Они не имеют удовольствий в жизни ни от хорошего кушанья, ни от одежды, ни от хорошей мягкой постели. Их постели набиты сеном, подушки также набиты сеном, или, если хозяин богатый, козьей шерстью.

В течение дня они не имеют покоя от работы по хозяйству, ночами не имеют сладкого сна: их беспокоят летом блохи, а зимой и осенью — холода.

Для топлива они не имеют ничего кроме кизяка, сухого бурьяна или самана. Для печения хлеба у них бывают обычные в Дагестане печи. Эти печи топят только вышеперечисленным топливом. Если ты войдешь к ним

во время варки ими пиши, то ты почувствуешь себя наполюбно того, что вошёл в пещеру, заполненную дымом».

2. ДЕВОЧКА ОБРЕЧЕНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

По старым предрассудкам, муж в горах, если в доме рождалась девочка, смотрел на жену с укором. Если в семье имелись мальчики, девочка должна была им прислуживать. В общем девушка с детства всецело зависела у себя дома от мужской части семьи. Над ней имели власть даже младшие братья.

Вне дома адат запрещал женщине участвовать в сходе, а по цудахарским и акушинским адатам, она не допускалась даже в свидетели. В тех местах, где женщин разрешалось призывать в качестве свидетелей, адат предписывал: показания двух женщин засчитывать не больше, чем одно показание мужчины.

3. ПЛЮНЬ, ДУНЬ — ВОТ И СВАДЬБА!

В ауле Шухты браки и разводы в старину заключались с необыкновенной лёгкостью. Стоит, когда проходит женщина, плюнуть в её сторону, бросить камешек, или случайно задеть рукой, — и девушка имеет право заявить, что её обесчестили. Адат обязывал в таких случаях жениться, даже если виновный женат и имеет детей.

Говорят, что начало этому старинному праву шухтинских девушек положило следующее обстоятельство. Некогда, ещё во времена племенного строя, на Шухты напали соседи и истребили в ауле почти всех мужчин. Женщины в ауле было много, и они, мол, вынуждены были навязываться мужчинам, так как не за кого было выходить замуж.

4. ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

У урэхинцев существовала поговорка: девушку можно выдавать замуж тогда, когда она оказывается способной устоять на ногах при ударе папайхой.

* * *

По обычаю андийцев, жена не имела права произносить имя мужа. Если она случайно его произносила, нужно было снова возобновлять формальное бракосочетание.

* * *

У аварцев есть легенда, рассказывающая о том, что с умершим юношей была погребена живая девушка.

* * *

Обычай: в случае смерти невесты у нее отрезали кошу и передавали её жениху. (Слышал в аварских районах).

* * *

В ауле Мекеги есть скала, с которой бросилась молодая вдова, доведенная до отчаяния упреками в том, что она была равнодушна, когда умер её муж.

* * *

В ауле Ахты, попав в гости в один дом, я, любуясь коврами, заметил, что ахтынки ещё до революции были лучшими ковроткачицами.

Стоявшая у входа в комнату пожилая ахтынка вздохнула:

— Да, это верно, — прошептала она. — Но зато жизнь наша была не из лучших.

5. У ЖЕНЩИНЫ БЫЛ ЛИШЬ ОДИН УДЕЛ — РАБОТА

В даргинских аулах обязанность заготавливать топливо для дома издавна лежала на женщинах. Вязанки дров, которые они приносили к ночи из лесу, бывали настолько тяжелы, что можно только диву даваться. Я ещё сам видел, как женщины шли, согнувшись чуть ли не до колен. В ауле Гапшима славилась одна женщина, которая приносила на спине столько дров, сколько хороший хозяин пожалеет взвалить и на скотину.

* * *

Так было повсюду. Не случайно у балхарцев самой лучшей невестой считалась та, у которой самые большие ступни.

6. ЛЕГЕНДА О КАМАЛУЛ БАШИРЕ

В северном Дагестане распространены песни о необыкновенно красивом юноше из Чоха — Камалул-Башире. В 1941 году во время одной из моих поездок в Чох Омармусал Омаров, говоривший, что он является дальним родственником Камалул-Башира, рассказал мне такую легенду о своём предке.

Башир, сын Камала, отличался от всех своих сверстников необычайной стройностью и красотой. Его голос звучал, как сама песня. Когда он пёл, было видно, как вода проходит через его горло. Белизна кожи, румянец лица, мягкий и нежный взгляд — всё привлекало внимание к Камалул-Баширу. Девушки при виде его загорались пламенной любовью, а женщины забывали о своём замужестве. Пленённые необычной красотой юноши, горянки по пятам ходили за Камалул-Баширом, едва он появлялся на улице. Ему не давали покоя ни днем, ни ночью.

Родители дочерей жаловались на Башира его отцу. Отец во всём винил сына и требовал, чтобы он прекратил свои похождения. Камалул-Башир уверял, что он тут ни при чём, и сами женщины его не оставляют в покое. Соседи предложили, чтобы отец спал в доме рядом со своим сыном. Отец Камалул-Башира согласился с этим и сам убедился, что женщины пытаются проникнуть в комнату, где спал его сын.

Камалул-Башир стал уединяться. Он тайком уходил с утра в поле и возвращался домой тоже тайком и глубокой ночью. И всё равно женщины не оставляли его.

В конце концов, говорит легенда, Камалул-Башира вынудили покинуть родной аул. Он долго скитался на чужбине, жил в далёких горах, в диком лесу и скучал по родине.

Не выдержав одиночества, Камалул-Башир вернулся в родной аул и заявил отцу: «Я по-лишьему не могу жить». Тогда чохцы сговорились и потребовали, чтобы или отец сам убил сына или они его убьют.

Отец не желал, чтобы весь аул стал его кровным врагом и убил своего сына.

Эта легенда почти буквально повторяет наиболее распространённые варианты песен о Камалул-Башире.

XV. ПИЩА, ЗДОРОВЬЕ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ

ЗАМЕТКИ О ПИТАНИИ, О СПОРТЕ, О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

1. ЧТО ТАКОЕ ХИНКАЛ?

Наиболее раннее упоминание о дагестанской кухне можно найти, кажется, у Н. Львова.

Он был в плену у Шамля и пишет прежде всего о хинкале... Хинкал — ежедневная и самая любимая пища горца.

«Хинкал — это не что иное, как куски пресного теста, приготовляемого из кукурузной, просяной, бобовой и редко пшеяичной муки, сваренные в чистой воде.

Выкинув эти куски из воды, приправляют их уксусом, чесноком и небольшим количеством солёного коровьего сыра».

* * *

У даргинцев, когда готовили хинкал и резали к нему барана, то баранью голову предлагали прежде всего самому старшему в семье. Старший брал от головы часть мяса и один глаз, а остальное передавал по кругу.

Голова обходила прежде всего гостей. И все оставляли хозяину другой глаз,

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И... МЯСО

В одном из дореволюционных кавказских сборников местный этнограф Амиров, выходец из аула Урахи, писал:

«Горец — большой охотник до свежего мяса. Но ему оно достается очень редко. В горах мясо готовится на весь год, по большей части в сентябре. Для этого режут от одного до пятнадцати штук баранов или одного быка и мясо их высушивают. Употребляют его бедные по крайней мере раз в месяц, а самые богатые почти ежедневно, но только за ужином. Если же для удовлетворения своего аппетита горец зарежет барана без какого-нибудь торжественного случая, не говоря уже о быке, общественное мнение будет преследовать его за неумеренность. А общественного мнения горец боится сильно».

3. БАГУЛАЛСКОЕ ЛАКОМСТВО

Зять Шамиля Абдурахман в своих воспоминаниях сообщает, что у хуштадинцев, тландадинцев и коандишцев существовал обычай. Если кто зарежет барана или козла, раскрывает внутренности, берет оттуда кусок внутреннего сала и ест. Считалось, что кто не ест такого сала, не бывает ни сильным, ни мужественным.

Он же пишет, что багулалы откармливали козла, затем прокалывали его брюхо так, чтобы не задеть желудка, вставляли в прокол трубочку и через нее сосали внутренний жир. После этого отверстие зашивали и козла продавали.

* * *

Во многих аулах среди женщин был распространен в старину обычай кормить грудных детей кусочком кур-

дюка, посыпанным толченым. Говорили, что если ребенок сосёт такой курдюк, он станет сильным, как левенок, вскормленный сырым мясом.

4. АХТЫНСКОЕ ПИВО

До революции ахтынские гурманы любили запастись на зиму так называемым тачем. Это напиток, напоминающий бузу. Изготавливали его следующим образом. Пшеницу замачивали и, когда она начинала давать ростки, сушили. Затем пшеницу мололи на мельнице, муку замачивали в кувшинах и при помощи дрожжей сбраживали.

5. КАК ЛЕЧИЛИ БОЛЬНОГО В ГОРАХ?

В дореволюционном Дагестане по существу не было лечения больных и раненых.

Больной ходил, пока не сваливался на время, какое будет угодно всевышнему аллаху.

Старухи знали свои лекарства. Большею частью это были разные травы, настойки из них и притирания. Малырню лечили лекарством, составленным из мёда и уксуса. Против болезни живота применяли молотый имбирь, смешанный с мёдом, которого не касался огонь. Если болели глаза, на вены ставили пиявок.

* * *

Вот еще несколько «рецептов», которые я записал в разных аулах.

«Если у человека болит бок, возьми черную кошку, свяжи ей лапы и прикладывай живот кошки к боку больного. Чем больше кошка кричит, тем лучше — значит болезнь от больного переходит в живот кошки».

«Если человек теряет сознание, лучше всего приложить к его голове лягушку».

6. СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ГОРЦЕВ

Самый распространенный вид спорта в горах в старину — бросание камней. Делалось это так. Где-нибудь на ровной площадке отмеривали черту шагах в десяти—пятнадцати от кона. Камень (обычно плоский, фунтов на десять) клали на ладонь правой руки и придерживали его пальцами так, чтобы пальцы чуть касались плеча. Затем начинали размахивать камнем из стороны в сторону и сильным рывком бросали камень вперед.

* * *

Заметное место среди горских развлечений занимала в старину травля собак. В ауле Ругуджа устраивали специальные драки собак. Глашатай заранее сообщал аулу имена соперников, готовивших своих собак к драке. Их за месяц до зрелища особо откармливали и злили, и весь аул следил за подготовкой собак к соревнованию.

* * *

Видный грузинский ученый, историк и археолог П. Носселиани, побывавший в 1861 году в южном Дагестане, писал о забавах ахтынцев: «Танцуется чаще всего так называемая каре. Каре — это всеупотребительная между горцами лезгинка. Она танцуется с разными вариациями. Если танцуют шибко, то носит название Табасаранки; если танцуют медленно, то называется Периваде. Девушки сами выбирают себе танцоров, вызывая часто их на состязание. Если молодой человек устает

то он вручает чаушу (крикуну) серебряную монету, которую последний завязывает в забрасываемый сзади угол длинного головного платка танцорки, — она тогда и прекращает танец. Танцуют под звуки зурны и дайдама, а иногда и огромного бубна.

Ахтынцы охотники до пения, сопровождаемого игрою на чунгуре и на балабане (дудке вроде кларнета). Певцы (ашуги) устраивают иногда состязания, на которые стекаются певцы из Кубы (пользующиеся известностью), из Нухи, а иногда из Елисаветполя и Карабаха. Песни поются на лезгинском, а чаще на азербайджанском языке. Ашуг, одержавший победу над своим соперником, отнимает у него чунгур и получает условленный денежный штраф. Ашуг, потерявший чунгур, покрывается стыдом и удаляется подальше, если пожелает выступать опять в роли певца».

ХVI. ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ, СВАДЬБЫ, СУЕВЕРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

1. ПЕРЕЖИТОК ДРЕВНЕГО, КОЛЛЕКТИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

В сборнике адатов Гунибского округа, врученном М. М. Ковалевскому, имеется такая запись. Там, где существуют виноградные сады, ни один из хозяев не имеет права снимать кисти до известного срока, т. е. пока не последует разрешение на то всего общества. Если будет замечено, что в каком-нибудь саду сорван виноград, старшина и его ближайшие помощники делают строгие розыски. Если виновный не будет открыт, всех жителей выводят из аула в поле. Женщины помещаются отдельно от мужчин, на значительном от них расстоянии. Никто не вправе вернуться домой, не совершив прежде естественного отправления в присутствии начальства; у кого найдутся зерна, тот платит штраф — двух быков.

* * *

В Сумья-Махи мне рассказывали, что в старину зерно от колюсьев отделяли следующим способом. Снопы клали в специальный водоём, дно и бока которого были обложены каменными плитами. По мере смачивания

зерно опускалось на дно, а мякина оставалась наверху. Мякину убирали, а затем воду спускали и собирали оставшееся на дне зерно.

* * *

У табасаранцев во время молотбы в разложенные по току колосья бросали кусок железа. Говорили, что от этого зерновое богатство увеличится.

2. ДЕНЬ ПЕРВОЙ БОРОЗДЫ

Во всем Дагестане известны старинные обряды, связанные с началом сельскохозяйственных работ. Они выливаются в целом в большой праздник первой борозды и достаточно широко описаны в этнографической литературе.

У даргинцев праздник выхода плуга описал М. Амиров. Это «анджаваха» — самый торжественный народный праздник. «Примечательные особенности этого праздника: первая вспашка земли, красные яйца, скачки и выборы аульных джигитских лиц. Утро праздника начинается развлечениями молодежи, — джигитовкой и угощением. Затем старики и должностные лица выходят на площадь. Вслед за ними показывается анджи-вахвикан с запряженными в соху быками. Он несёт на плечах сумку с зерном. Землепашец, быки и соха украшены платками и ленточками. На ближайшем поле образуется громадный круг. В середине его анджи-вахвикан начинает пахоту. Как только он приступит к работе, присутствующие начинают бросать в него землю, и земляной дождь продолжается по крайней мере около четверти часа».

По окончании обряда первой запашки устраиваются состязания в беге. Победитель получает приз — тушу

барана. После бега устраиваются конские скачки. Владелец лошади, прискакавшей первой, тоже получает приз — быка, некоторое количество пшеницы или даже участок общественного поля. Лошадь-победительницу покрывают пёстрою попоною, украшают дорогими материями и ленточками. Все поздравляют хозяина лошади, и он приглашает всех отцов семейства к себе и угощает их.

(ССКГ, т. VII, стр. 41—42).

3. ПРАЗДНИК ВЕСНЫ В ГАПШИМЕ

Наступление весны в моём родном селении Гапшима отмечалось посещением горных родников. Празднично одетые юноши и девушки уходили в горы. Около родника на лужайке устраивали привал, угощали друг друга. Здесь юноши и девушки впервые признавались в любви. К заходу солнца все участники праздника возвращались в аул. В ауле им устраивали торжественную встречу с музыкой. Праздник завершался конной скачкой.

4. ОБЫЧАЙ, УКРЕПЛЯВШИЙ ДРУЖБУ МЕЖДУ АУЛАМИ

В ряде аулов имеются земли, которые несут странное название: «пирожные земли». Такие земли есть в аулах Дибгаша, Калкни, Гунакари, Бускри и других. Когда я стал спрашивать стариков, почему эти земли назывались «пирожными», они ответили, что до революции здесь существовал такой обычай: молодёжь одного села, собрав со всех домов муку, яйца и мясо, пекла большой пирог и силами лучших бегунов относила его в другое селение, соседнее. Бегуны, доставив пирог, должны были крикнуть: «Мы из нашего села, мы при-

несли вам пироги!» И затем в тот же миг должны были исчезнуть из селения. Молодёжь этого селения гналась за бегунами, старалась не выпустить их со своей территории.

Если бегунов не смогли догнать, преследующие приглашали к себе всю молодёжь того села, откуда принесли пирог, устраивали пир и одаряли победителей землёй. Вот почему эти земли называются «пирожными».

Этот обычай, как говорят старики, укреплял дружбу между аулами.

5. КАК ВЫЗЫВАЛИ ДОЖДЬ

В Курахе во время засухи, чтобы вызвать дождь, делали шалашеобразную шапку из зелёных ветвей. Её одевали на голову одного из избранников и в сопровождении детворы, водили по дворам. Около каждого дома пела песню, в которой призывают дождь.

Песня начинается словами: «Дождь, дождь, обильный дождь, дождь для наших полей, для нашей пшеницы в амбарах».

Хозяин дома должен был выйти к поющим и вылить на человека, голова которого была покрыта зелёными ветвями, кувшин воды.

* * *

В местечке Пир около сел. Заза имеется ковш из камня, напоминающий жертвенник. Во время засухи девушки с песнями наполняли этот ковш водой. Песня должна была оказывать магическое воздействие на природу и вызывать дождь.

* * *

При засухе у кумыков совершался следующий обряд. Старшина аула раздавал сельчанам на месте сбора сы-

ров мисо, а муфта надевал на голову одной из женщин зырянный мешок так, чтобы голова выходила наружу. Затем талию женщины обвязывали длинной веревкой. Один из участников обряда держал конец верёвки и водил женщину по берегу реки и среди сельчан, а народ обливал эту женщину водой из кувшинов со словами: «Ай, аллах, дай нам дождя». После этой процедуры человек, водивший женщину за верёвку, брал её на руки и бросал в речку. Женщина выплывала так, чтобы люди ее не видели, а народ расходился.

* * *

Если нужно было вызвать солнце после долгих дождей, табасаранцы надевали на деревянную лопату рубаху, делали чучело человека. Его называли «Гуьни» — «Солнце вызывающий». Как и при вызывании дождя, молодёжь ходила по улицам, по домам, собирала продукты, а на следующий день делили их между сельчанами.

При вызывании солнца пели:

«Эй, Гуьни, Гуьни, нам солнце нужно,

И наш Гуьни тоже солнца хочет.

Солнце и луну пусть мы увидим,

Туч и дождя не хотим».

Иногда чучело человека (бывало и несколько) укрепляли на крыше, а на плечо его клали хурджи, в одной половине которого была насыпана соль, а в другой — мука. Это чтобы бог пожалел святые продукты и не промочил их дождем.

* * *

В ауле Уллучара, чтобы остановить град, женщины становились под град с обнаженными головами.

* * *

В дни проливных и долгих дождей в Гапшине вешали у водосточной трубы или на краю балкона лягушку в шелковых штанах.

6. ИЗ ГОРСКИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ

В аулах Кулушац, Тулезма, Чита и Кубра невесту к жениху ведут днём, но одна из сопровождающих невесту женщины обязательно несёт горящую керосиновую лампу. Сами горцы смысл этого объясняют так: пусть, мол, жизненный путь невесты никогда не омрачается, пусть вечно будет свет на её дороге.

* * *

В свадебных обычаях даргинцев существовало такое установление. Молодая жена после свадьбы возвращалась в дом родителей и только через определённый срок вновь возвращалась в дом жениха.

У мюрегинцев, наоборот, невеста со своим мужем навещала своих родителей спустя месяц.

* * *

У гапшиминцев после свадьбы жених примерно с неделю должен был сидеть весь день дома и не появляться в общественных местах.

* * *

Верхнемулебкинцы обычно отвозили невесту в дом жениха верхом на лошади. Но однажды случилось так, что лошадь, на которой ехала невеста, убили. После этого обычай привозить невесту на лошади отменили,

но продолжал существовать обычай разбрасывать ячмень по пути следования невесты, т. е. делать вид, что дают корм лошади.

* * *

В ауле Башли жениху, прежде чем ему разрешат войти к невесте, загадывали загадку. Если он отгадывал загадку, он входил свободно, а если нет, то он в свою очередь давал невесте мудрёную задачу,— например, развязать восемь узлов на кожаном шнуре.

* * *

У бутринцев, когда невесту вели к жениху, зажигали на пути следования невесты костры. Разжигали костры обязательно люди из дома жениха. У каждого костра молодёжь с криками «Невесту согреть! Невесту согреть!» останавливала свадебное шествие и требовала выкупа.

* * *

В горах мне рассказывали о свадебном обычае, который свидетельствует об отголосках очень глубокой старины. Было, говорят, время, когда к девушке специально заходило перед свадьбой по 15—20 парней. Уходя, они оставляли у невесты свои папахи. Говорят, что в старину и любимых выбирали так — если девушка кого любит, того она и оставляет папаху, а остальные выбрасывает в окно.

7. ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ ПРИ РОЖДЕНИИ РЕБЁНКА

В рукописной книге воспоминаний Абдурахмана рассказывается, что по обычаю в горах, когда дают ново-

рождённым имя, полагается резать двух баранов — для ребёнка мужского пола и одного барана --- для ребёнка женского пола. «Приглашаются родственники, соседи, друзья, а также человек, который должен дать имя ребёнку, будь это кади, или кто другой. Давать имя ребёнку не есть обязанность лишь кадия. Дающий имя произносит в правое ухо ребенка «азан», а в левое «иманат». После этого произносят «дуа» с пожеланием счастья и удач, по дёснам ребенка проводят финигом, сахаром или другой сладостью. Это для того, чтобы ребёнок вышел жизнерадостного нрава. Кости зарезанного животного ни при варке, ни во время еды не разбивают. Это для того, чтобы части тела ребенка росли здоровыми.

Потом эти кости закапывают в землю».

* * *

У кумыков было принято, когда соседи приходили с поздравлением по случаю рождения ребёнка, говорить о мальчике: «Пусть будет старшим братом пяти—шести младших братьев», о девочке: «Пусть будет старшей сестрой пяти—шести младших сестёр».

* * *

В изданной в 1728 году книге Н. Г. Гербера «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» рассказывается, как кайтагский феодал делал своего наследника молочным братом своих подданных.

«Уцмий следующую обыкность имеет, чтоб своих подданных к обязанности к себе содержать. Когда у уцмий родится сын, то несколько дней по рождению младенец посылаётся в некоторую из его деревень, которого таможенных жителей жены грудью своими кормят, а когда во всей деревне ряды отошли, то отвезут младенца в

другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью и в четвертую, пока время младенца от груди отставить».

8. ПОГОВОРКИ, ПРИМЕТЫ, ПРЕДРАССУДКИ

В Генечутле сохранилась память о том, что в старину в случае женитьбы раба на рабыне чужого хозяина дети от брака переходили в собственность хозяина рабыни. Отсюда у аварцев поговорка: «Он любит детей, как раб» (в том смысле, что раб никогда не имел своих детей).

* * *

Акушинцы неторопливы в своих действиях. Поэтому говорят: «Акушинец способен, сидя на арбе, поймать зайца».

* * *

Записано в Цахурском селении Мишлаш:

- 1) Если любишь свою мать, не брани мать другого человека.
- 2) Что в сердце хранится, то на лице отражается.
- 3) Умен дурак, когда молчит.
- 4) Спрашивать не стыдно.
- 5) Делай для друга, учись для себя.
- 6) Сидящий за столом не замечает потолка.

* * *

Горская примета: если дёргается левый глаз, значит тебя где-то ругают, если дёргается правый глаз, о тебе где-то говорят хорошее.

* * *

О дагестанском горце в прошлом веке вошло в поговорку, что он никогда не подаст своему однозерцу дур-

ной вести. Зато с хорошим известием готов скакать за пятьдесят верст:

* * *

Если петухи запоют в полдень, значит будет перемена погоды.

* * *

На том месте, где человек весною в первый раз увидит сидящую на ветке ласточку, обязательно будет клад.

* * *

Это — тоже своего рода приметы.

Когда горский юноша хочет сказать девушке о своём чувстве, он прибегает к разговору жестами, — словами ведь с девушкой не поговоришь.

Прищури левый глаз и это будет означать: я тебя люблю.

Ударь легонько рукой по левой стороне груди и этим скажешь: о, как я хочу прижать тебя к сердцу!

XVII. В БИБЛИОТЕКАХ ГОРСКИХ АРАБИСТОВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАРИННЫХ ДАГЕСТАНСКИХ
РУКОПИСНЫХ КНИГ

1. ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ЯЗЫЧНИКОВ В АУЛЕ АРАКАНЫ

*(По старинной рукописи. Копия снята в 1925 г.
Инкачилаво)*

«Затем захватили мусульмане Хадар в тот день, и бежали кяфиры, пока не достигли своих мест. Затем в течение недели шла война в Хиркаса, вследствие чего было захвачено это селение, в то время как оставался один квартал в верхней части селения, где обосновались старшины их и эмиры их, по имени Тавабил и Арнахурал. И не могли мусульмане захватить тот укрепленный квартал в течение двух месяцев. Затем они захватили его с разрешения великого аллаха и с помощью владыки двух миров. Они убили всех, кто был в нём, исключая тех, кто принял ислам. Затем, когда жители города Ихрая узнали о желании сражаться с мусульманами, они убили своих эмиров и старшин. После того они приняли ислам и послали своих представителей...»

2. ДРЕВНЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

(Запись на полях книги, хранящейся у хунзахского жителя Шалапилала)

«Хунзахцы, нуцал, телетлинцы, голотлинцы договорились между собою:

1) Если голотлинцы убьют хунзахца, то голотлинские убийца и близкие родственники должны выплачивать 200 овец. В случае ранения взимать 100 овец.

2) Если хунзахец или телетлинец убьёт голотлинца, то отдавать трехгодовалого бычка и давать полторы мерки канха.

Свидетели этому нуцал, Гунаш, Курбан Гусейн, сын Осокаш».

3. СКУПОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО КРОВАВОГО ПОБОЙЦА

У жителя селения Нахки Омарова Рабадана хранится книга со следующей записью на арабском языке:

«Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня, и уже уничтожен храм Афзи кызыл-башскими войсками в ауле Нахки в 1154 году. Среди нас убитых насчитывалось 1635 человек. Эту запись прочитал у Тахмаз-хана в присутствии Сурхай-хана, Шемхала и других улемов».

4. ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕТЫ

(Из архива Мансура Гайдарбекова из Гиничутля)

«От кадия села Цулук кадию села Араканы.

Мы слышали, что раб Цоко сына Алдама попал в руки вашего человека. Если это так, то скажите ему мягкое слово.

Если хотите знать его приметы и его одежду, то на нём шаровары из белой шерсти, и абá из белой шерсти, и папахá из белой шерсти. Его борода имеет цвет между красным и чёрным цветом. Его тело — между длинным и коротким ростом. Остальные приметы сообщит пода-тель сего письма».

* * *

У Гайдарбекова хранится также договор, заключён-ный между рабами и хунзахцами. Согласно этому дого-вору все аулы Хунзахского ханства обязаны были осво-божденных рабов выпускать из аулов. В случае если они оставались, рабы должны быть во всём покорны узденям.

5. ГОРСКИЕ АФОРИЗМЫ

Поэт Расул Гамзатов переложил в стихи интересные надписи на оружии, камнях, предметах домашнего оби-хода. Это тоже своего рода библиотека, и эти надписи в горах распространены очень широко. Вот некоторые из таких надписей. В значительной мере ими поделился со мной Магомед-Саид Саидов.

* * *

«Кто не защищает свою честь, тот погибнет».
(Надпись на могильном камне в ауле Ашильта)

* * *

«Предпочитаю огонь—позору, смерть — унижению».
(Надпись на клинке кинжала Хаджалова из аула Игали)

* * *

«Нет жизни тому, кто не ложится вместе с опасно-стью в одну постель».

(Надпись на кремнёвке гимринца Абдул Мухамы)

* * *

«Слава и честь — на спинах коней».

(Надпись на украшении конской сбруи, принадлежа-щей жителю сел. Обода З. Гамзатову)

* * *

«Трус окружён смертью».

(Надпись на мече жителя сел. Муни С. Гаджиева)

* * *

«Прежде чем стрелять, колчаны наполняют стре-лами».

(Надпись на колчане наиба Шамиля Бусаилова из Тинди)

* * *

«Рай находится под тенью сабель».

(Надпись на клинке Д. Муртазалиева из сел. Гини-чутль)

* * *

«Кто не защищал свой заповедник своим оружием, тот вынужден мириться с унижением».

(Надпись на кремнёвке жителя сел. Гиничутль Иси Чунка)

* * *

«Кто не стремится к прославлению, слава пройдёт мимо него; кто острием сабли не прославится, тот никогда не будет благородным».

(Надпись на сабле жителя сел. Гинич М. Даилова)

* * *

«Углубляйтесь в лес и не бойтесь рычания львов; если надвигается страшное испытание, смело идите вперед».

(Надпись на воротах одного из гидатлинских замков)

* * *

«Нам запрещено быть униженными, каким бы страданиям мы ни подвергались».

(Надпись на потолке дома хунзахца Гасана сына Сайфулы)

* * *

«Не ищите справедливости у угнетателя или предателя».

(Надпись на потолке бассейна сел. Ашильта)

* * *

«Защищайся палкой или пикой».

(Надпись на пике знаменосца хунзахского нуцали Маммы Рустамова из сел. Гиничутль)

XVIII. ЗАБЫТЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ

ТО, ЧТО ПЕРЕДАЕТСЯ ОТ СТАРИКОВ К СТАРНИКАМ

1. НАДИР-ШАХ И СОГРАТЛИНЦЫ

В Согратле мне рассказали такое предание. Надир-шах поднялся на Чолда Меэр и, перед тем как спуститься в Андалал, послал своего гонца в Согратль. Он велел передать согратлинскому кадию мешок пшена, давая этим знать, что у него, у шаха, столько воинов, сколько зёрен пшена в мешке.

Согратлинский кадий вернул мешок и послал шаху общипанного петуха. Это должно было означать: как голодный петух по зёрнышку склюёт всё пшено, так и мы истребим твоё войско, хотя бы поодиночке.

Надир-шах не внял этому предупреждению и погубил своё войско.

2. СКОЛЬКО ЛЕТ КАДЖАРАМ?

Когда Али Эскендер-бек, советник Умма-хана был в Иране, шах решил его испытать. Он приказал привести осла и спросил Эскендер-бека:

— Скажите, мудрый посол, сколько лет этому ослу?
Эскендер-бек ответил:

— Моя мудрость ещё не постигла этого, не у нашего народа есть поговорка: и шаку и каджару лета определить невозможно.

Это был намёк на то, что каджары красят бороду хной, скрывавшей их седину.

3. МЕСТО, ГДЕ БЫЛ СОЖЖЕН ХОЧБАР

В насыщенной до краёв социальной мыслью песне о Хочбаре, которую Л. Н. Толстой назвал удивительной, рассказывается, как хунзахский нуцал сжёг на костре вожака гидатлинской вольницы. Было это в XVIII веке. И сейчас в Хунзахе показывают место, где был сожжен Хочбар. Его называют Тагия-гъали — Верхний ток. Квартал, где находится это место, называется Шотота.

4. СЛАВА О ЛУЧШИХ ХРАБРЕЦАХ И ЛУЧШИХ МАСТЕРАХ

В период Кавказской войны в Аварии наибольшей храбростью отличались андийцы. Они при каждом походе теряли убитыми от 10 до 20 человек.

В первой половине XIX века лучшими стрелками в горах считались люди из аулов Согратль, Чох, Унцукуль, Гимра, Цунта и Орота. Особенно были искусны в стрельбе горцы цунтинских аулов, — в большинстве своём они всегда были охотниками.

* * *

Рутульцы считались лучшими охотниками за волками. Территория охоты у них была поделена, и каждый квартал расставлял капканы только на своём участке.

Если волк вырывался из капкана, то на его поиски шли жители данного квартала. Только при неудаче поисков об убежавшем волке сообщалось всему аулу, и тогда все мужчины выходили на облаву.

Когда волк оказывался окружённым, все разоружались и так, безоружные, засучив рукава, устремлялись на разъярённого зверя. Надо было голыми руками схватить волка и связать его.

Кто при этой схватке проявлял малодушие, получал кличку «бех». По-рутულски это значит: трус.

* * *

Гилибцы рассказывают, что в прошлом веке в их ауле был замечательный каменщик и плотник по имени Дургал Гусейнил. Он сделал деревянные часы, которые ходили несколько суток.

5. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОГОВОРКИ

Телетлинцы попали в зависимость от ханов и должны были работать на Чупана и Анкалава по одному дню в году. Однажды телетлинцы решили не выходить на работу к ханам до тех пор, пока не покончат со своими полевыми работами. Тогда хан послал своих рабов во главе с Куркучилаем и приказал им ворваться в дома крестьян и разбить всю их посуду.

С тех пор и пошла поговорка: «В счастливый дом не войдёт Куркучилай».

6. НАИБ, ОСТАВШИЙСЯ В ПАМЯТИ НАРОДА

Кайтагский уцмий во время Кавказской войны пытался подчинить своей власти жителей аула Шиялги.

Он говорил им: «Или вы все будете мои лагами, или я призову против вас царских солдат».

Кайтагцы обратились за помощью к Шачилю. Он послал и Кайтаг своего наиба Бук-Магому с отрядом. В сражении с уцмием и царскими войсками Бук-Магома получил много ран и умер. Уцмий разрушил аул Шилаги, а крестьян -- кого убил, кого сослал.

О Бук-Магомеде в народе сложено много песен.

7. ЛУЧШЕ ВСЕГО ЗАПОМИНАЕТСЯ ТО, ЧТО НАПОМИНАЕТ О ГИБЕЛИ ХАНОВ

В ауле Мушули жили беки, происходившие из хунзахского ханского дома. Когда Гамзат-бек приближался к аулу, беки укрепились в башнях. Башни крепости были неприступными, к ним нельзя было близко подойти. Тогда люди Гамзата стали рубить все деревья в ауле. Они подбрасывали их всё ближе и ближе к башням, а потом подожгли. Так под прикрытием дыма воины Гамзата подкрались к башням, взяли их штурмом и истребили всех мушулинских беков.

8. ШАМИЛЕВСКАЯ СИБИРЬ

Гумбетовский аул Читль расположен на дне глубокого ущелья. Когда выходишь из сакли, вокруг ничего не видно кроме куска неба где-то в вышине. Природа вокруг аула дикая. Растительности почти нет. Шамиль превратил этот аул в место ссылки. Это была своеобразная каторга, — дагестанская Сибирь.

9. СУДЬБА ОДНОГО БЕЗБОЖНИКА

В ауле Урапи мне рассказывали, что царский наиб Шахбан взымал штраф с каждого, кто не посещал ме-

четь в пятницу. Одного урапинца по имени Амирбек-кади привели в мечеть силой. И всё равно этот крестьянин не молился. Тогда наиб созвал аульский сход и потребовал, чтобы Амирбек-кади объяснил, почему он равнодушен к мечети. Говорят, что Амирбек-кади во всеулышание заявил, что он не желает молиться и нечего его принуждать к тому. Говорят ещё, что как ни бесновались наиб и фанатичные муллы и как ни пытались его убедить, — ничего не вышло. За Амирбек-кади сохранилось прозвище «Капур-кади», т. е. неверный кади.

10. РАЗНОЦВЕТНЫЙ БЕК

Некая Шут, жена снухского бека Фатали, была из рода простых узденей из аула Тукита. Поэтому про бека Фатали говорили: «Спина его из шёлка, а живот из грубой шерсти».

ХІХ. ИЗ ЧИРКЕЙСКОГО ДНЕВНИКА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ,
ВЫБРАННЫЕ ПРИ ПОЕЗДКЕ В ОДИН АУЛ

Ещё до Великой Отечественной войны я однажды летом поехал собирать исторический и этнографический материал в Чиркей и другие аулы Буйнакского района. Итоги поездки обсуждались в нашем научно-исследовательском институте, незадолго до того реорганизованном из института национальной культуры в институт истории, языка и литературы. Коллектив у нас был дружный, а вот стенгазета никак не ладилась. Вместо неё наш ученый секретарь А. Ф. Назаревич затеял машинописный журнал, который мы печатали в пяти экземплярах. Попало в этот журнал и кое-что из моих заметок по Чиркейской поездке. Они здесь воспроизводятся так и в таком порядке, как были обработаны в 1940 году.

1. ПЕРЕЖИТОК ДОКЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чиркейские старики рассказывают об интересном древнем обычае. В старину здесь от каждого из салатавских аулов* съезжалось раз в год по несколько пред-

*) Аварские аулы, пограничные с Чечней по линии хребта Салатау.

ставителей. Этот шумный съезд был своего рода ежегодной газетой, новости которой передавались изустно. Старейшины узнавали, что и где случилось за год, кто кого обидел или убил, а потом сообща обсуждали важнейшие из событий и выносили решение, которое было для всех чиркеевцев непререкаемым, как закон.

Это был своеобразный пережиток далёких, доклассовых отношений. В нём отражены и древнейшие родоплеменные порядки, и зависимость салатавцев от своих племенных вождей, и подчинённое положение Чиркея, ибо старшиной в нём был «Русталали» — кто-нибудь из салатавцев.

Интересно, что сход салатавских старшин устанавливал адаты, обязательные для всех черкеевцев. За этим строжайшим образом следили «алаби» — специальные исполнители. Кто протестовал против решений владык, собравшихся в Чиркее, того заточали в глубокую яму и держали там, пока человек не образумится. Наиболее строптивых пытали, отбирали имущество и сжигали дома.

2. ЭПИЗОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В годы гражданской войны в Чиркее был довольно крепкий сельский Военно-революционный комитет. В него входили Сурхай Тырхау, Абакар Гамзатов, а главное Магомед Алиханов — активный участник гражданской войны и прославленный партизан*. Историю образования партизанского отряда во главе с Алихановым чиркейцы связывают с именем Уллубия Буйнакского.

Уллубий раз вызвал Алиханова и его друзей в Шуру и, побеседовав с ними, выдал денег для помощи голо-

* Алиханов был арестован впоследствии белыми в Шуре вместе с Буйнакским, но ему удалось бежать тогда в Астрахань. В 1923 году он был председателем сельсовета в Чиркее и убит кулаками.

дающим беднякам. Алиханов, вернувшись в аул, собрал восемьдесят потомственных бедняков, создал из них крепкий партизанский отряд, а деньги раздал их семьям — по 25 рублей на семью.

Отряду Алиханова не терпелось выступить в горы, к Аварии, чтоб потягаться с Гоцинским, но Уллубий Буйнакский звал Алиханова на плоскость в Петровск—Советской власти грозили здесь банды Нух-бека Тарковского.

Пришлось подчиниться. Отряд Алиханова расположился в Кумторкалинском районе и зорко стерёг подступы к молодому советскому городу. Только в дни, когда Уллубию пришлось выехать в Астрахань за поддержкой, отряду Алиханова разрешили вернуться в аул.

Настало время пощипать имама Гоцинского. Впрочем, насадить алихановцам удалось и до этого. На одном из кумторкалинских кутанов партизаны встретили отару в пятьсот овец. Узнав, что это добро имама, Алиханов велел угнать отару в Чиркей. Партизаны, ушедшие в горные ущелья, могли ещё год не беспокоиться о нуждах своих семей.

3. ЧИРКЕЕВСКИЙ БОНАПАРТ

История гражданской войны в Дагестане уже знает факт, когда не в меру самолюбивые контрреволюционные генеральчики воображали себя грозными Надиршахами и всемогущими Наполеонами. Достаточно напомнить знаменитую марionеточную монархию шейха Узун-Хаджи.

Чиркейцы рассказывают ещё об одном таком домощённом Наполеоне.

Это было во время армяно-татарской резни в Баку. Чиркейский мулла Тагир-Гаджи, услышав об этом, ре-

шил, что только он один способен покончить с глаурами-армянами, которых никак не могли истребить озверелые мусавитисты.

И вот мулла организовал кулацкую банду и выступил из Чиркея в... Баку.

Чиркеевскому кулацкому полководцу не повезло. На дороге в Дербент небольшой краснопартизанский отряд вдребезги разбил его банду. Сам мулла еле-еле вырвался из погасовки и с конфузом вернулся домой.

4. ЧИРКЕЙСКИЕ ЗАТВОРНИЦЫ

В Чиркее мне рассказали об одном из диких пережитков старины. Это—обычай держать дочерей на положении узниц до дня их замужества.

Девушки не видели дневного света, с детских лет не бывали ни на улице, ни в садах, и посторонние (даже ближайшие родственники) не должны были видеть их вплоть до второго дня свадьбы.

Вот несколько фактов заточения невест.

Тридцать лет взаперти, в душевой сакле, точно в каменной крепости отсидела Зазай Абакарова. Выйти замуж ей так и не довелось. Сейчас эта женщина — настоящая старуха, так и не знавшая юности. Она безжизненная — сухая и чёрная, как заплесневелый кусок ржаного хлеба.

Бике Манакова до шестнадцати лет была отгорожена от мира сырыми стенами сакли. Когда соседи спрашивали: «Где же Бике?», родители отвечали: «Давно умерла». Потом, когда аульчане узнали, что это ложь, родители стали говорить, что их дочь — сумасшедшая. Был и врач. Но он отнёсся к делу формально, наученная родителями девочка притворялась, и врач написал, что это — глухонемой и дефективный ребенок. Только

вмешательство заведующего школой спасло чиркейскую узницу. Он созвал комиссию в составе нового врача, представителя сельсовета и школы, и «глухонемая» не выдержала. «Мама, мама! — закричала она, — почему ж ты молчишь? Смотри, как чужие люди смотрят на меня и трогают всю руками...»

Дефективная девочка оказалась способным и смыслённым подростком. Сейчас она — одна из лучших учениц в чиркейской школе.

* * *

Романтическую историю рассказал мне учитель Омаров Тагир.

Девушка была заточена родителями в сакле с семи лет. Только в тёмную ночь ей разрешали выглядывать в окно. Но девушка была бойкой и любознательной. Она хотела знать, что делается за стенами её дома и, убирая комнату, она повесила зеркало на стене, так, что, лёжа на тахте, видела в него, что делается за окном. Так по зеркалу она позже выбрала себе и любимого, — ей приглянулся учитель, целые дни проводивший с детьми напротив, у школы.

Этот учитель — Тагир Омаров. Девушка-затворница теперь его жена.

5. СОВЕТЫ ВОРОЖЕЙ

Чиркейские старухи советуют юношам: нет ничего проще, чем заставить девушку полюбить себя. Для этого надо лишь умудриться вырезать кусочек мяса из-под хвоста живого медведя. Обязательно живого!

Это опасно и трудно, но зато всё остальное — легче лёгкого: стоит лишь дотронуться этим мясом до платья девушки, и она тебя полюбит в тот же миг.

6. РЕЦЕПТЫ ЧИРКЕЕВСКИХ МАРКИЗ ДЕ-БРЕНВИЛЬЕ

Париж эпохи Людовика XIV оставил истории величайшую преступницу 17-го века — маркизу де-Бренвилье. Эта женщина, развращённая буквально с пелёнок, порочная и мерзкая, прославилась как изощрённая убийца и отравительница, отправившая на тот свет отца, братьев и чуть ли не свою собственную дочь только лишь потому, что она, по мнению маркизы, была просто глупа. Маркиза Бренвилье знала самые сокровенные рецепты отрав, действующих медленно и мгновенно, исподволь и бурно, как смертоносный паралич. Яды Индии и Китая, Африки и Таити — всё было испробовано маркизой Бренвилье.

В Чиркее у местных ворожей я убедился, что маркизе было известно, оказывается, далеко не всё. Вот один из рецептов чиркейских старух-отравительниц, который они сообщают лишь наедине и под величайшим секретом.

Рецепт: поймать ящерицу, повесить у скалы на солнцепеке, снизу подложить тарелку с кукурузными зёрнами; жир ящерицы будет топиться на солнце и пропитает кукурузу, — её надо высушить и измельчить. Затем: раздобыть тайком на кладбище по кусочку от каждой части тела мертвеца (лучше первенца!), смешать с мукой, пропитанной салом ящерицы, приготовить болтушку. Готовить тайком. Если кто войдёт, — дать сейчас же отведать — вошедший умрёт, но зато отравы выйдет на славу!

Свой рецепт ворожей заканчивают советом:

— Впрочем, если страшно, — есть другой способ отравить: дай недругу отведать ослиного мозга. Это, говорят, не так надёжно, но тоже, говорят, действует иногда.

Бедная маркиза Бренвилье! Она не знала чиркейских рецептов...

7. МУЛЛЬСКИЕ АМУЛЕТЫ

У одной из чиркейских хозяек заупрямилась корова — никак не давалась доиться! Измучавшаяся горянка, завернув в тряпку десяток яиц, отправилась к мулле.

— Мало, — недовольно пробурчал мулла и дал женщине хайкар — амулет для ношения на ниточке на груди.

Нам удалось поглядеть на этот амулет. Грязный клочок бумаги и на нем арабская «священная» надпись. В переводе она гласила:

«Корова, дай молока! Корова, дай молока! Корова, дай молока! А не дашь, так я тебя...»

Дальше следовало что-то нецензурное, но зато легко переводимое и с арабского, и на арабский, и на любой другой язык.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

XX. ПРИМЕТЫ НОВОЙ ЖИЗНИ

ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА О СОВРЕМЕННОСТИ

1. ГЛАВНАЯ ПРИМЕТА — ВСЕ, СВЯЗАННОЕ С ЛЕНИНЫМ

Дело историка — копаться в историческом прошлом. Но В. И. Ленин говорил, что в историю полезно углубляться постольку, поскольку она позволяет лучше понять настоящее. С расчетом на это я и выбирал в этой книге все мои дневниковые заметки об историческом прошлом Дагестана.

Но историк приходится иметь дело не только с далёким прошлым. Во время поездок по Дагестану (а я побывал почти во всех районах) я беседовал с горцами и горянками самых различных возрастов и профессий. И говорить мне с ними приходилось, конечно, не только о прошлой, но и о нынешней нашей жизни. И я хорошо знаю, что горцы все свои самые заветные мысли о новой жизни всегда связывают с именем В. И. Ленина.

Вот случай, который произошёл с пожилой горянкой Говарши из аула Гумри-махи Акушинского сельсовета. Она решила поехать в Махачкалу по делам учёбы своего сына. Её сопровождал демобилизованный из Советской Армии юноша. Ей нужно было попасть ко мне, так как она ожидала, что я помогу ей в её деле. Мой

дом она помнила плохо. Не знал моего адреса и провожатый. В автобусе, когда уже подъезжали к Махачкале, он спросил: «Куда же мне тебя повести?» Горянка ответила: «Ты меня поведи к человеку, который был полезен народу не только когда был жив, но и когда его уже нет в живых. А оттуда я уже сама найду дорогу». Её привели, как она и просила, к памятнику В. И. Ленина, и вскоре она уже сама добралась ко мне.

* * *

Шестьдесят пять лет мечтали балхарцы о постройке водопровода. Лишь при Советской власти эта мечта осуществилась.

Это было, когда только недавно кончилась гражданская война. Жители аула собрались на сход и выбрали специальную делегацию для того, чтобы поехать в Махачкалу и передать глубокую благодарность Советской власти и Ленину за всё, что они сделали для горцев.

* * *

В протоколе № 16 общего собрания с. Хахита от 22 августа 1925 года имеется запись:

«Население никогда не забудет, что Советское государство помогало ему в работе материальными средствами, что лишний раз доказывает, что Советская власть не забывает крестьянина и заботится о нем».

* * *

Из речи представителя даргинского народа Адж Сулейманова на Чрезвычайном съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 года:

«Когда у нас в Дагестане установилась Советская власть, у нас открылся один глаз. Теперь, когда выс-

шая Советская власть дала нам автономию, у нас открылся другой... И мы теперь ясно видим и понимаем, что такое Советская власть».

* * *

Из речи представителя аварского народа Нахибашева на Чрезвычайном съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 года:

«Когда произошла в России Октябрьская революция и когда у власти стали рабочие и крестьяне, мы поняли, что это нам даст настоящую свободу. Мы не ошиблись. Потому-то мы боролись с Деникиным, продавая часто последнюю скотину, чтобы купить винтовку».

2. СОВРЕМЕННЫЕ ГОРЦЫ — О НОВОЙ ЖИЗНИ

Цадинец Али Гусейнов, когда я спрашивал его о новой его жизни, сказал так:

— До революции я не имел обуви. Когда мне посчастливилось примерить чужаки купающегося товарища, я радовался. А сейчас я одеваюсь не хуже хана и бека.

* * *

— Хорошие у нас советские обычаи, — говорили шилгинские старики-колхозники, собравшись на беседу о прошлом и настоящем. — Сейчас не унижают человека. Раньше богатеи каждому из нас давали срамное имя и на каждом шагу упрекали бедностью. Если сравнить прошлое с настоящим, то можно сказать, что разница между старым и новым — как между адом и раем.

3. ВСЕ МЫСЛИ — О МИРЕ

В ауле Верхний Гоцатль колхозник Муртазали Мусалов о прошлой и настоящей жизни сказал мне так:

— Дай бог, чтобы люди и дальше жили в мире, без войны и без бедствий. Когда я вспоминаю прошлое и всю свою жизнь, у меня бывают такие минуты, что я не могу удержать слез. Но я сразу прихожу в себя, когда вспоминаю сегодняшний наш день и когда думаю — в какое, ещё лучшее время будут жить мои дети, внуки и правнуки.

Бывший пастух Магомед Дибиров добавил:

— При царе я спал. Это был тяжёлый, больной сон. Я не видел света. Я чувствую, что я проснулся только при Советской власти. Только сейчас я вижу свет, вижу вокруг прекрасный мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. 1. *Одна из ниточек к стране «Металла неба»*. См. А. Руновский. Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане. (Записано со слов Шамиля). Военный сборник, № 7. СПб, 1882 г.

I. 2. *Ниточка к... библейскому Ною*. См. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXII, Тифлис, стр. 8.

I. 3. *Легенда о скифах*. См. С. Баратов. История Грузии, СПб, 1865, ч. I, стр. 10.

I. 4. *Законы Ликурга в Амуше*. Записано в 1956 г. в с. Цада со слов Максуда Гамзатова.

II. 4. *Вавилонский храм Милитты в Кубачах*. — См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1947, стр. 59.

III. 1. *Александр Македонский у Железных ворот*. Записано в 1938 году в Дербенте у Абдульфаз-оглы.

III. 2. *Дербент во время крестовых походов*. См. Путешествия в восточные страны Плана Карягина и Рубрика. М., 1957, стр. 186—187.

III. 5. *Легенда о Дербентской стене*. — См. Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 6—7.

III. 6. *Город первых книжников Дагестана*. — См. А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды 2-й сессии Ассоциации востоковедения 19—23 октября 1937 года. М.-Л., 1941.

V. 4. *Священная гора Шалбуз-Даг*. — См. Д. А. Ануцин. Отчёт о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия Русского географического общества, т. XX, вып. IV, СПб, 1884.

VI. 5. *Хорошие ли горцы мусульмане?* — Слова Ма-

гомед-Тагира цитируются по «Сборнику материалов для описания местностей и племён Кавказа» (вып. 45, стр. 55—56), слова И. Н. Волконского — по «Кавказскому сборнику» за 1886 г. (т. X, стр. 7).

VIII. 3. *Любопытные выписки*. Марко Поло. Путешествие в 1286 году по Татарии и по другим странам Востока венецианского дворянина. СПб. 1872, стр. 19.

Н. Семенов. Обитатели кумыкской плоскости. Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1891 год. Вып. I. Владикавказ, 1890, стр. 157, 161, 163.

IX. 2. *Рассказы о зверствах Агалар-хана*. — См. Абдулла Омар-оглы. Воспоминание муталима. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I.

IX. 3. *За жалобу — смерть*. См. ЦГВИА, оп. 286, св. 262, д. 13 за 1863 год.

IX. 5. *«За что же нас отдали злему волку?»*. См. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895, стр. 32—33.

X. 1. *Отзыв иностранца*. — См. А. Гюльденштет. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб. 1809, стр. 117.

X. 2. *Древние известия о дагестанцах и руссах*. — Б. Дорн. Каспий. О походах древних русских в Татарстан, с дополнительными сведениями о других набегах на побережье Каспийского моря. СПб. 1875, стр. 515;

Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 27.

X. 3. *Вместе — против завоевателей арабов*. См. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи, с приложением. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. 1871, стр. 18—19;

А. Руновский. Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане. (Записано со слов Шамля). Военный сборник. № 7, СПб. 1882.

X. 4. *Кто имел право на аварский трон?* — Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII.

XI. 2. *А это — авторы XIX века*. — К. Ф. Ган. Путешествие в Кахетию и Дагестан;

П. Ф. Свиердский. В горах Дагестана. Петровск. 1903, стр. 55.

XVI. 1. *Пережиток древнего, коллективного земледелия*. М. М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана. Юридический вестник, ч. 29. Кн. 4. 1888.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

I. В тумане тысячелетий

1. Одна из ниточек к стране «Металла неба».
2. Ниточка к... библейскому Ною. 3. Легенда о скифах. 4. Законы Ликурга в Амуше. 5. До ислама и после ислама. 6. Гора Кабх—гора языков. 7. Легенда о прорванном мешке. 5

II. Когда владыкой была женщина

1. Только мать останавливала кровную месть.
2. Самая древняя присяга. 3. Женщина — собственница всей земли в семье. 4. Вавилонский храм Милитты в Кубачах. 5. Ицаринские девушки испытывают мужчин 9

III. Крепость, у которой десять имен

1. Александр Македонский у Железных ворот, 2. Дербент во времена крестовых походов. 3. Как была основана Нарин-Кала. 4. Древние названия Дербента. 5. Легенда о Дербентской стене. 6. Город первых книжников Дагестана. 7. Адам Оларий — о городе Тарки. 8. Эвлия Челеби — о кай-таках 12

IV. Мастерство, пронесенное через века

1. Несколько строк из старинной рукописи. 2. Тарковский шамхал и французские оружейники. 3. Рука, кинутая матери. 4. Редька на могилах богатырей. 5. Собака, спасающая Кала-Корейши. 5 Каменные страницы истории аула Кубачи 20

V. Забытые боги

1. Языческий обряд древних кубачинцев. 2. Бог Солнца в горском пантеоне. 3. Так воскресал бог плодородия Осирис. 4. Священная гора Шалбуз-Даг. 5. Холм, на который нельзя смотреть. 6. Волк и медведь как древние дагестанские тотемы. 7. Что считать красивым? 8. Рука и камень 24

VI. Огнём и кровью

1. Они пришли как завоеватели и хищники. 2. Маслама сказал: «Поклоняйтесь моему мечу!» 3. Как новая вера поссорила ругуджинцев и чоцев. 4. Разговор кривого и хромого. 5. Хорошие ли горцы мусульмане? 6. За что мугинские женщины ругали бога? 7. Для бога у меня нет много времени 32

VII. Деги под копытами лошадей

1. Предания о Шах-хирмане. 2. Сказание о сражении под Турчидагом. 3. Подковы, прибитые наоборот. 4. Я обращаюсь к читателю: помогите установить — что это за таинственный богатырь Шарвели? 38

VIII. О том, что превратилось в развалины

1. Из полевых дневников археолога. 2. Семь братьев и красавица сестра. 3. Любопытные выписки. 4. Не найден ли древний Семендер? 5. Тайна руин неведомого Города свечей 46

IX. Улыбке хана — не верь!

1. Место, куда скатилась голова бедняка. 2. Рассказы о зверствах Агалар-хана. 3. За жалобу — смерть. 4. Рассказ об обшипанном петухе. 5. «За что же нас отдали злому волку?» 6. И набы были не добрей ханов. 7. Осёл тоже помогает богатеям. 8. Как уркарахцы разговаривали с уцмием. 9. Военная хитрость гидатлинцев. 10. Как каратинцы обманули хунзахского хана 60

X. Дагестан и Россия

1. Отзыв иностранца. 2. Древние известия о дагестанцах и руссах. 3. Вместе — против завое-

вателей-арабов. 4. Кто имел право на аварский трон? 5. Русский крепостной — о горах Дагестана. 6. Беглые русские солдаты — у Шамиля. 7. Русские люди — о дагестанцах 70

XI. Горский быт в далёком прошлом

1. Вот что рассказывает Стрейс. 2. А это — авторы XIX века. 3. Вот как жили в Карате. 4. Чем ближе к земле — тем лучше. 5. Всюду была бедность, нищета. 6. Одежда чохской женщины. 7. Горская мебель и дом богатого кубачинца. 8. Тухум и семья. 80

XII. Кое-что из горских адатов

1. История одной вендетты. 2. Живых в ауле осталось только четверо. 3. Из официального отчета. 4. Кровник спас кровника. 5. Горский этикет. 6. Что считалось красивым в юноше? 7. Заметки об адатах разных аулов 88

XIII. Давайте будем братьями!

1. Если ты приехал в чужой аул.. 2. Пришелец — под защитой всего джамаата. 3. Один обычай убит другим обычаем 95

XIV. «Дом мужа — раскалённая жаровня»

1. Признание горского феодала. 2. Девочка обречена со дня рождения. 3. Плюнь, дунь — вот и свадьба. 4. Пёстрые заметки. 5. У женщины был лишь один удел — работа. 6. Легенда о Калалул-Башире 98

XV. Пища, здоровье, развлечения

1. Что такое хинкал?. 2. Общественное мнение и... мясо. 3. Багулалское лакомство. 4. Ахтынское пиво. 5. Как лечили больного в горах. 6. Спортивные игры и развлечения горцев. 103

XVI. Обряды и поверья

1. Пережиток древнего, коллективного земледелия. 2. День первой борозды. 3. Праздник весны в Гапшине. 4. Обычай, укреплявший дружбу между аулами. 5. Как вызывали дождь. 6. Из

Горских свадебных обрядов. 7. Обряды и поверья при рождении ребенка. 8. Поговорки, приметы, предрассудки 108

XVII. В библиотеках горских арабистов

1. Об истреблении язычников в ауле Араканы. 2. Древнее юридическое соглашение. 3. Скупое свидетельство кровавого побоища. 4. Приблизительные приметы. 5. Горские афоризмы 118

XVIII. Забытые факты истории

1. Надир-шах и согражданцы. 2. Сколько лет каджарам? 3. Место, где был сожжен Хочбар. 4. Слава о лучших храбрецах и лучших мастерах. 5. История одной поговорки. 6. Наиб, оставшийся в памяти народа. 7. Лучшее всего запоминается то, что напоминает о гибели ханов. 8. Шамилёвская Сибирь. 9. Судьба одного безбожника. 10. Разноцветный бек 123

XIX. Из Чиркейского дневника

1. Пережиток доклассовых отношений. 2. Эпизод гражданской войны. 3. Чиркеевский Бонапарт. 4. Чиркейские затворницы. 5. Советы ворожей. 6. Рецепты чиркеевских маркиз де-Бренвилье. 7. Мульские амулеты 128

XX. Приметы новой жизни

1. Главная примета — всё, связанное с Лениным. 2. Современные горцы — о новой жизни. 3. Все мысли — о мире 135
Примечания 139

Цена 25 коп.

instituteofhistory.ru